УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Москва ИМЭМО РАН 2010 УДК 327 ББК 66.2(0) Страт 833

Вступительное слово академика А.А.Дынкина на конференции «Стратегическая стабильность после холодной войны»

Авторский коллектив Алексей Арбатов, Владимир Дворкин, Александр Пикаев, Сергей Ознобищев

Страт 833

Стратегическая стабильность после холодной войны / Авт. коллектив — Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Пикаев А.А., Ознобищев С.К. — М.: Москва: ИМЭМО РАН, 2010. — 60 с. ISBN 978-5-9535-0232-0

Настоящая публикация представляет собой первую из серии работ в рамках совместного проекта ИМЭМО РАН и фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» ("Nuclear Threat Initiative, Inc" – NTI) под общим титулом: «Россия и глубокое ядерное разоружение». В ее основу легли материалы конференции, состоявшейся 18 марта 2010 г.

Авторы выражают благодарность сотрудникам ИМЭМО РАН за всестороннюю помощь в подготовке исследования и организацию плодотворного обсуждения. Данное исследование подготовлено в рамках Проекта по ядерной безопасности (NSP) при поддержке NTI. Дополнительную информацию можно получить на сайте NSP http://nuclearsecurity.org. Представленные в данной работе взгляды принадлежат авторам и не отражают позиции ИМЭМО или NSP.

Strategic Stability after the Cold War

This is the first publication of the series titled "Russia and the Deep Nuclear Disarmament", which is to be issued in the framework of joint project implemented by the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) and the Nuclear Threat Initiative, Inc. (NTI). It is based on the discussions at the conference held on March 18, 2010.

The authors express their gratitude to the IMEMO staff for comprehensive support in the production of this research paper and organization of the fruitful discussion. This research report was commissioned by the Nuclear Security Project (NSP) of the Nuclear Threat Initiative (NTI). For more information see the NSP website at http://www.nuclearsecurity.org. The views expressed in this paper are entirely the authors' own and not those of the IMEMO or NSP.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте http://www.imemo.ru

ISBN 978-5-9535-0232-0

© ИМЭМО РАН, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДИРЕКТОРА ИМЭМО РАН,	
АКАДЕМИКА А.А. ДЫНКИНА	5
Краткое содержание	8
Введение	12
1. Стратегическая стабильность в годы холодной войны	13
2. ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СТРАТЕГИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ	19
3. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ	27
4. СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИКИ США И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ	29
5. Возможности трансформации взаимного сдерживания	32
6. Понижение готовности стратегических ядерных сил к запуску	36
7. ПОДКЛЮЧЕНИЕ ТРЕТЬИХ СТРАН К ОГРАНИЧЕНИЮ СНВ	43
8. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ	45
9. РЕЖИМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ РАКЕТ И РАКЕТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	47
Выводы	53
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	57
ПРИЛОЖЕНИЕ. СПИСОК УЧАСТНИКОВ ЗАСЕДАНИЯ, СОСТОЯВШЕГОСЯ 18 марта 2010 г. в ИМЭМО РАН	59

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО директора ИМЭМО РАН, академика А.А. Дынкина

Уважаемые участники конференции,

Прежде всего, хочу выразить благодарность за то, что вы откликнулись на наше приглашение принять участие в сегодняшнем обсуждении весьма важных проблем. Мы проводим первое из намеченных в этом году четырех совещаний под общей рубрикой «Россия и глубокое ядерное разоружение».

Остальные будут посвящены проблемам отношений России и НАТО; взаимосвязи ПРО, ядерного нераспространения и разоружения; а также теме обязательств о неприменении ядерного оружия первыми в рамках «негативных гарантий» безопасности неядерным государствам Договора о нераспространении. Мы очень надеемся на ваше активное участие и в следующих заседаниях.

Данная программа осуществляется в рамках совместного проекта ИМЭМО и американской «Инициативы по предотвращению ядерной угрозы» под руководством Нанна-Тернера. Едва ли стоит напоминать, что Тэд Тернер – видный представитель бизнессообщества и активный международный общественный деятель на ниве ядерного разоружения и безопасности. Бывший сенатор от Демократической партии Сэм Нанн известен во всем мире как политический деятель конструктивной и реалистической направленности и сторонник сотрудничества США и России в сфере международной безопасности.

В 80-е годы сенатор Нанн сыграл ключевую роль в свертывании рейгановской программы «Стратегическая оборонная инициатива», доказав в Конгрессе, что она противоречила Договору по ПРО. В 90-е годы он был одним из инициаторов программы Нанна-Лугара по сотрудничеству США и России в безопасном обращении с ядерными боеприпасами и ядерными отходам, утилизации атомных подводных лодок и ликвидации химического оружия.

В текущем десятилетии он последовательно критиковал расширение НАТО на восток, выступал против выхода США из Договора по ПРО и в поддержку переговоров по сокращению стратегических наступательных вооружений.

Наряду с такими известными американскими деятелями, как Г. Киссинджер, У. Пэрри и Дж. Шульц, он стал автором нашумевшей статьи в The Wall Street Journal, призывавшей возродить идею ядерного разоружения. Она изменила политический климат в США и во всем мире и повлияла на предвыборную кампанию и курс администрации Обамы, авторитетным советником которого Нанн остается и сейчас.

Наша совместная программа с фондом Нанна—Тернера — это отражение признания высокого профессионального уровня ИМЭ-МО, наших родственных институтов РАН, стратегического сообщества и экспертной прессы России.

В России почти общепринято, что ее безопасность гарантируется только ядерным оружием из-за отставания в силах общего назначения и по новейшим военно-техническим системам, а также ввиду уязвимого геостратегического положения. В таких взглядах странным образом ныне совпали российские консерваторы и, как ни парадоксально, некоторые сторонники рыночной демократии.

Однако ряд важных соображений заставляет усомниться в универсальности этих расхожих истин. После окончания холодной войны, в условиях глобализации и растущей взаимозависимости мира (что лишний раз продемонстрировал текущий экономический кризис) ядерное сдерживание, похоже, предотвращает прошлые угрозы, угрозы XX века. А именно – преднамеренное массированное нападение великих держав или их союзов друг на друга. В списке приоритетов угроз – эта ушла на второй, если не на третий план.

Но ядерное сдерживание не компенсирует реальные угрозы нового времени: международный терроризм, распространение ОМУ и его носителей, этнические и религиозные конфликты, столкновения из-за дефицита энергоресурсов и пресной воды, не говоря уже о проблемах климата, экологии, незаконной миграции, эпидемий, трансграничной преступности и пр.

Не менее важно, что только в контексте переговоров по ядерному разоружению, и никак иначе, Россия и другие страны получат возможность решить для себя смежные военно-политические проблемы: прекращение на условиях, приемлемых для России, Запада и наших постсоветских соседей, расширения НАТО на восток; ограничение стратегических систем ПРО и высокоточных обычных вооружений; предотвращение гонки космических вооружений и пр.

Что касается зависимости безопасности России от ядерного оружия, то на поверку и эта концепция весьма поверхностна. Не

надо забывать, что ОВД и Советский Союз распались, имея в 5–7 раз больше ядерных вооружений, чем нынешняя Россия. Надо совершенно уж не верить в российский народ, чтобы полагать, что ядерное оружие (в основном доставшееся в наследство от СССР) — это единственный атрибут статуса великой мировой державы. Что ни в силах общего назначения, ни в экономике, ни в научнотехнических инновациях, ни в благоустройстве материальной и политической жизни граждан мы неконкурентоспособны.

В рамках данного проекта мы видим свою задачу в том, чтобы вразумительно и аргументировано представить США (и Западу в целом) интересы, возможности и озабоченности России в связи с проблемой глубокого ядерного разоружения и рядом важных смежных с ней военно-политических и технических вопросов.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В эпоху холодной войны и советско-американского ядерного противостояния в процессе постепенного прозрения сторон относительно роли ядерного оружия в обеспечении безопасности и вероятных последствий его массированного применения сложились представления о стратегической стабильности и неразрывно связанных с ними принципах ядерного сдерживания.

В Совместном заявлении СССР и США относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям (июнь 1990 г.) говорилось, что стратегическая стабильность это такое состояние стратегических отношений двух держав, при котором отсутствуют стимулы для нанесения первого удара. В качестве принципов стабилизирующих сокращений были названы уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях и оказание предпочтения системам вооружений, обладающим повышенной выживаемостью. Взаимоприемлемым стало пониманием того, что возможной целью первого удара является предотвращение или существенное ослабление ответного удара противника, то есть в оперативные планы первого (контрсилового) удара входит максимальное поражение стратегических сил другой стороны, включая ее системы боевого управления и связи.

После окончания холодной войны, в контексте меняющейся геополитической ситуации представления о стратегической стабильности значительно расширились под влиянием новых угроз и дестабилизирующих факторов.

К ним относятся распространение оружия массового уничтожения (ОМУ), в первую очередь ядерного оружия (ЯО), распространение ракетных технологий и ракет повышенной дальности, угроза ядерного терроризма, региональные вооруженные конфликты с непрогнозируемой эскалацией военных действий за пределы регионов. Противодействие новым угрозам требует широкого сотрудничества великих держав, прежде всего России и США, их последовательного совместного продвижения по пути ядерного разоружения и укрепления режимов нераспространения ОМУ и его носителей.

Меры, направленные на поэтапную трансформацию системы взаимного ядерного сдерживания, могут быть связаны с дальнейшими сокращениями СНВ двух ядерных сверхдержав, со снижением

опоры на ядерное сдерживание в доктринальных установках. Также речь идет об отказе России и США от планирования пусков ракет на основании информации от систем раннего предупреждения, понижении оперативно-технической готовности к запускам ракет наземного и морского базирования, объединении систем предупреждения о пусках ракет. Наконец в качестве финального этапа можно рассматривать совместную разработку и использование систем ПРО.

Как перечисленные, так и другие меры в принципе должны не только сохранить, но и повысить уровень стратегической стабильности в новых условиях. При сокращении СНВ России и США до уровня порядка 1000 боезарядов и рациональной структуре стратегических ядерных сил (СЯС) разоружающий удар вообще теряет всякий смысл, поскольку у стороны, подвергающейся нападению, остается больше ракет и боезарядов для ответного удара, чем у агрессора. Влияние на стратегическую стабильность более глубоких сокращений СНВ России и США (ниже уровня 1000 боезарядов), с учетом расширенного перечня дестабилизирующих факторов, может быть оценено после дополнительных углубленных исследований.

По сравнению с периодом холодной войны содержание стратегической стабильности в настоящее время и на перспективу требует значительных корректив.

Гарантия взаимной способности ответного удара, оставаясь в центре стабильности, может впредь предполагать существенно пониженные критерии нанесения ущерба и менее жесткие требования к условиям выполнения этой задачи. Такая обоюдная способность не требует равенства — достаточно будет равенства остающихся боеготовых средств в качестве «страхового полиса» безопасности. Концепция примерного равенства потенциалов двух держав по способности нанесения контрсилового, ответно-встречного (ОВУ) и ответного удара может быть упразднена по мере отказа сторон от таких оперативных концепций и средств их осуществления.

Двусторонний баланс стратегических сил по мере снижения СЯС России и США до уровня порядка 1000 боезарядов будет обретать многосторонний характер и потребует подключения в той или иной форме третьих ядерных держав, а затем и государств, стоящих вне Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Важнейшим фактором, влияющим на стабильность, становятся темпы распространения ОМУ и его носителей. Соответственно, «подпорками» конструкции стабильности должны быть меры укрепления режимов ДНЯО и контроля над распространением ракет и ракетных технологий.

Распространение ядерного оружия и его носителей ставит серьезнейшую и крайне трудную задачу интеграции в контекст стратегической стабильности совместных систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и ПРО (сначала ПРО ТВД, а затем стратегической ПРО). Не менее сложная задача состоит в подключении к этим системам союзников и партнеров великих держав и ответственных нейтральных государств.

Необходимо добиться совместимости стратегической стабильности и развития ведущими государствами неядерного высокоточного оружия (ВТО) большой дальности для использования в локальных конфликтах.

Нужно предотвратить создание космических вооружений, которое в корне подорвет стабильность.

Приходится признать, что в США, России и других странах есть влиятельная оппозиция новым договорам по разоружению и военному сотрудничеству государств. В ряде случаев это обусловлено и спецификой внутриполитической ситуации. В России такая оппозиция особенно сильна (хотя и не оформлена в партийном плане), поскольку ядерное оружие расценивается как главная гарантия национальной безопасности и незаменимый атрибут статуса великой державы. Уязвимое геополитическое положение России, слабость сил общего назначения, отставание по новейшим военным технологиям еще больше повышают привлекательность ядерного оружия.

Для того чтобы отношение к ядерному разоружению в России изменилось к лучшему, необходимо убедительно доказать на деле, а не только на словах, реальность приведенных ниже положений:

- сокращение ядерных вооружений будет укреплять, а не ослаблять безопасность России, ее международный престиж и влияние;
- отношение США к идее ядерного разоружения служит не только политико-пропагандистским инструментом;
- США рассматривают ядерное разоружение как средство укрепления международной безопасности, а не способ увеличения своего превосходства в новейших военных технологиях и системах (ПРО, ВТО, космос, силы общего назначения (СОН) и пр.).

Эти пожелания носят не общий, а вполне предметный характер. В частности, новый договор по СНВ из-за специфических правил засчета будет предполагать минимальное реальное сокращение стратегических ракет, подводных лодок и бомбардировщиков США. В основном, сокращаемые боезаряды будут перенесены в хранилища, а другая часть не будет засчитываться как «оперативно развернутые». Поэтому последующий договор должен предусматривать ре-

альную ликвидацию стратегических носителей, а желательно (возможно, в рамках отдельных соглашений) и боезарядов.

Далее система ПРО, развертываемая в одностороннем порядке, – даже если и не будет подрывать российский потенциал сдерживания, – приведет к заметному росту недоверия и противоречий между Россией и США, препятствуя дальнейшему разоружению и консолидации усилий в противодействии новым угрозам. США и НАТО следует полностью отказаться от односторонних действий в этой области и подключать Россию ко всем решениям по развитию систем ПРО. Целесообразно также обеспечить масштаб транспарентности развернутых систем ПРО и предсказуемости программ их развития, сопоставимый с тем, что относится к СНВ сторон в рамках нового договора. Это не означает право вето для России на решения США и НАТО, но подразумевает вполне логично ее право ставить условия в контексте заключаемых договоров, совместных программ и действий.

Наиболее благоприятные условия для укрепления стратегической стабильности могли бы сложиться при совместной разработке, развертывании и использовании систем ПРО США, РФ и их союзниками.

Дестабилизирующее влияние высокоточного оружия с неядерным оснащением часто преувеличивается. Однако эта угроза стала приоритетной для России, что нашло отражение и в ее новой Военной доктрине 2010 г. Соединенным Штатам пора перестать игнорировать это обстоятельство и обратить на него самое серьезное внимание. Поскольку они выступают инициатором и лидером указанного направления военно-технического развития, именно на них лежит ответственность как за начало предметных консультаций по данному вопросу, предоставление доказательств, что системы высокоточного оружия не направлены против России, так и за предложение мер по ограничению вооружений, транспарентности и доверия. Иначе будет нереально добиться сотрудничества России в ядерном разоружении и в других вопросах международной безопасности.

Для снижения негативного влияния на стратегическую стабильность продолжающегося распространения ракетных технологий и ракет, дальность которых постоянно увеличивается, необходимо приступить к подготовке проекта договора, интегрирующего в себе положения Режима контроля над ракетами и ракетными технологиями (РКРТ), Международного кодекса поведения по предотвращению распространения баллистических ракет (МКП) и Глобальной системы контроля (ГСК), как основы нового глобального и юридически обязывающего режима ракетного нераспространения.

ВВЕДЕНИЕ

Представления о стратегической стабильности и неразрывно связанных с ними принципах ядерного сдерживания сложились во времена холодной войны и ядерного противостояния СССР и США. За этот период на Западе, а потом и в Советском Союзе библиография по определению и трактовке стратегической стабильности стала весьма обширной.

В прошлом стратегическая стабильность практически полностью рассматривалась через призму соотношения стратегических наступательных и оборонительных вооружений сторон. Однако после окончания холодной войны, в эпоху кардинально изменившихся военно-политических условий и начавшихся процессов глобализации — представления о ней значительно расширились под влиянием новых угроз и дестабилизирующих факторов.

Таковыми являются распространение ОМУ, прежде всего ядерного оружия, распространение ракетных технологий и ракет повышенной дальности, угроза ядерного терроризма, региональные вооруженные конфликты с непрогнозируемой эскалацией военных действий за пределы регионов. К дестабилизирующим факторам относят также возрастающие потоки наркотиков, появление новых опасных штаммов бактерий, изменение климата, экологические угрозы и пр.

Необходимо отметить существенную асимметрию в восприятии приоритета дестабилизирующих факторов со стороны России и США. Так, например, Россия считает глобализацию ответственности и операций НАТО, приближение альянса и его военной инфраструктуры к российским границам, развитие Соединенными Штатами высокоточных обычных вооружений большой дальности — главными факторами, подрывающими стратегическую стабильность. А распространение ОМУ, ракетных технологий и международный терроризм, больше всего волнующий США, в российских официальных взглядах стоят далеко внизу списка¹.

Несмотря на кардинально изменившиеся условия и необходимость трансформации традиционных представлений о стратегиче-

 $^{^1}$ См.: Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. (http://news.kremlin.ru/ref_notes/461).

ской стабильности, они во многом сохраняют свою актуальность, прежде всего, в контексте переговоров между Россией и США о сокращении СНВ, а также при определении приемлемых параметров стратегического баланса, путей развития ядерных вооружений и формирования национальных программ сохранения и развития ядерной оружейной инфраструктуры.

Поэтому целесообразно сделать краткий обзор эволюции определений стратегической стабильности и ядерного сдерживания в их традиционной трактовке.

1. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

После достаточно длительного употребления термина «стратегическая стабильность», в который СССР и США вкладывали разный смысл, в июне 1990 г в Совместном Заявлении двух государств появилось в самом общем виде первое согласованное определение². Оно практически заменило прежний, аморфный и ни к чему не обязывающий принцип «равенства и одинаковой безопасности».

Стратегическая стабильность, говорилось в Заявлении 1990 г., это такое соотношение стратегических сил США и СССР (или состояние стратегических отношений двух держав), при котором отсутствуют стимулы для нанесения первого удара.

Декларировалось, что будущие договоренности должны обеспечивать стратегическую стабильность путем стабилизирующих сокращений СНВ и посредством воплощения соответствующей взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями. В качестве принципов стабилизирующих сокращений были названы уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях и оказание предпочтения системам вооружений, обладающим повышенной выживаемостью.

Поскольку провозглашалась цель устранения стимулов к первому удару, требовалось уточнить, какими стратегическими задачами может руководствоваться государство при нанесении первого удара. Теоретически преследуемые цели такого удара могут быть

 $^{^{2}}$ См.: Сергеев И. Без первого удара // Российская газета. 13.11. 2001.

различными: демонстрация решительности, изменение ядерного баланса сил в свою пользу, дезорганизация боевых действий обычных вооруженных сил, уничтожение военного и промышленного потенциалов в целом или только отдельных отраслей промышленности.

Вместо этого, взаимоприемлемым стало пониманием, что возможной целью первого удара является предотвращение или существенное ослабление ответного удара противника, то есть в оперативные планы первого удара входит максимальное поражение стратегических сил другой стороны, включая ее системы боевого управления и связи.

Эти самые общие принципы представляли собой значительный шаг вперед во взаимопонимании двух стран по проблемам сущности их стратегических взаимоотношений. Однако для практической реализации сформулированных положений этого недостаточно, необходима их формализация, перевод в плоскость обоснованных и наглядных количественных соотношений.

Решению этих задач посвящено значительное количество исследований советских (российских) и американских специалистов, библиография которых весьма внушительна. При этом для представления стратегической стабильности (точнее, ее уровня) в конкретных числовых показателях и коэффициентах используются специальные математические модели и алгоритмы. Созданные на их основе компьютерные программы моделируют гипотетический обмен ядерными ударами при различных вариантах его нанесения.

Подобные модели стратегической стабильности вряд ли можно назвать универсальным инструментом, с помощью которого можно найти ответ на вопрос о том, как и каким образом стороны должны действовать в области военного строительства и ограничения вооружений при максимальном соблюдении обоюдных интересов безопасности. Слишком много факторов, не укладывающихся в математические формулы, оказывают серьезное влияние на эти процессы.

Тем не менее на основе таких моделей рассчитывались варианты развития событий в области ограничения и сокращения СНВ СССР и США на перспективу, а также оценивался уровень стабильности, имевшей место в 60-е, 70-е и 80-е годы XX в. Результаты показали, что во второй половине 60-х годов имело место возрастание стабильности, обусловленное выравниванием количественных параметров соотношения сил сторон, увеличением их живучести, улучшением систем предупреждения, управления и связи. Пик стабильности пришелся на начало 70-х годов, что совпало с первыми договорами об ограничении стратегических оборонительных и наступательных вооружений. Но после того как Соединенные Штаты, а вслед за ними СССР приступи-

ли к развертыванию стратегических баллистических ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), уровень стабильности стал снижаться.

Среди советских (российских) специалистов распространилось определение стратегической стабильности в широком и узком смыслах.

В широком смысле стратегическая стабильность рассматривалась как результирующая политических, экономических, военных и других мер, проводимых противостоящими государствами (коалициями), вследствие которой ни одна из сторон не имеет возможностей для осуществления военной агрессии.

В узком смысле под стратегической стабильностью понималось состояние стратегических группировок вооруженных сил и военных отношений между государствами (коалициями), характеризующееся примерно равными военными потенциалами, отсутствием попыток одной из сторон изменить военный баланс сил и добиться (реализуемого путем военных операций) превосходства над другой стороной на достаточно продолжительный период времени.

Американские эксперты выделяли в стратегической стабильности два понятия — кризисная стабильность и стабильность гонки вооружений. В первом случае подразумевалось, что ситуация является стабильной, когда даже в кризисной ситуации у каждой из противостоящих сторон отсутствуют серьезные возможности и стимулы для нанесения первого ядерного удара. Во втором случае стабильность оценивалась по наличию стимулов для резкого наращивания своего стратегического потенциала.

Механизм действия кризисной стабильности, согласно теории, заключался в следующем. Если стратегические силы противостоящих сторон обладают достаточно высоким контрсиловым потенциалом (т.е. способны уничтожать высокозащищенные стационарные и мобильные объекты, обладая достаточной мощностью боезарядов и высокой точностью), являясь при этом уязвимыми для контрсилового удара противника и, более того, привлекательными для нанесения по ним первого удара (когда вероятный противник может использовать сравнительно небольшую часть своих средств, уничтожив значительное количество наступательных систем оппонента), стратегическая («кризисная») стабильность считалась нарушенной.

Это связано с тем, что в условиях серьезного кризиса каждая из сторон получит важный стимул для нанесения первого удара, находясь перед выбором: или уничтожить наступательные вооружения противника, получив серьезное преимущество, или же потерять свои уязвимые системы стратегического оружия.

Ситуация может быть нестабильной и в том случае, когда только одна из сторон обладает уязвимыми средствами. Даже если последняя и не будет иметь надежды серьезно ослабить врага при нанесении по нему первого удара, она будет находиться перед тем же выбором «использовать или потерять» свои вооружения. Противоположная сторона, зная об этом, в свою очередь получит стимул для нанесения упреждающего удара по противнику с целью предотвратить такой «удар отчаяния», а первая сторона также будет понимать, что ее противник, в силу названных обстоятельств, получает стимул к упреждающему удару и т.д. Перерастание кризиса в войну или же переход (эскалация) обычного конфликта в ядерный, а ограниченного в глобальный считались наиболее вероятными, во всяком случае в том отношении, в каком это зависело от состояния военного баланса.

Для того чтобы избежать подобной ситуации, стороны должны следить за действиями своего оппонента в области развертывания новых систем оружия с тем, чтобы путем принятия ответных мер не позволить ему получить военное преимущество и нарушить «кризисную стабильность». Тем самым нарушается «стабильность гонки вооружений» и стороны вовлекаются в очередной цикл военнотехнического соревнования.

Необходимо учитывать, что стратегические наступательные вооружения — это хоть и значительная, но только часть вооружений ядерных государств. В той мере, в которой СНВ способны решить региональные или глобальные стратегические задачи вооруженных сил, они и определяют стратегическую стабильность. В той мере, в которой СНВ зависят от обычных вооружений или государство планирует использовать такие средства для поражения СНВ — в оценке стратегической стабильности необходимо учитывать роль обычных вооружений.

Одно из конструктивных определений стратегической стабильности (применительно к стратегическим вооружениям), позволяющее перейти к ее анализу как к характеристике сложной системы, состоит в том, что стратегическая стабильность есть устойчивость стратегического ядерного равновесия, которое сохраняется в течение длительного периода времени, несмотря на влияние дестабилизирующих факторов.

В свою очередь стратегическое ядерное равновесие обеспечивается при примерном равенстве ядерных вооружений сторон по совокупности количественных (боевой состав, суммарное число боезарядов и т.д.) и качественных (боевые возможности в различных видах ударов) показателей, что означает примерное равенство контрси-

ловых потенциалов, потенциалов ответно-встречных действий и потенциалов сдерживания.

Обычная мера контрсилового потенциала — число поражаемых объектов СНВ, включая не только высокозащищенные малоразмерные объекты типа шахтовой пусковой установки (ШПУ) и командного пункта (КП), но и мобильные объекты, поражение которых в меньшей степени зависит от точности попадания, а определяется возможностью средств разведки, гибкостью боевого управления и оперативностью переприцеливания. Это не исключает задачу одновременного поражения и других объектов инфраструктуры, административно-промышленных центров. Но главное — поражение ударных средств противника.

Потенциал ответно-встречных действий определяется способностью вывести боевые средства из-под удара до начала воздействия по ним боевых блоков нападающей стороны. Он зависит от эффективности систем предупреждения, оперативности передачи информации и принятия решения и от технической готовности оружия к боевому применению. В качестве меры этого потенциала рассматривается количество боевых блоков, выведенных из под удара, а также их боевые возможности по поражению объектов различного типа.

Потенциал гарантированного сдерживания или, по-другому, эффективность ответного удара определяется количеством выживших боевых средств СНВ и их боевыми возможностями с учетом характеристик систем боевого управления.

Каждая составляющая играет самостоятельную роль в решении задачи сдерживания от нападения:

- контрсиловой потенциал одной стороны стимулирует повышение живучести средств СНВ другой, однако он не должен быть избыточным, если обе стороны стремятся к стабильности;
- способность вывести достаточное количество своих средств из-под удара является эффективным фактором сдерживания, поскольку лишает смысла нанесения контрсилового удара;
- потенциал ответного удара является последним фактором сдерживания от нападения и рассматривается как основной.

Баланс по всем трем составляющим ядерного равновесия, поддерживаемый в течение достаточно длительного периода времени при влиянии возможных дестабилизирующих факторов, и определяет, по существу, условия сохранения устойчивой стратегической стабильности.

Такой баланс необходим не только для надежной гарантии безопасности, но и, что не менее важно, для долгосрочного сдерживания от возврата к конфронтации и гонке вооружений.

Таким образом, стратегическая стабильность включает в себя два слагаемых. Первое — это способность к ядерному сдерживанию глобальной войны за счет поддержания стратегического ядерного равновесия оппонентов, т. е. способности стратегических ядерных сил гарантированно нанести агрессору неприемлемый ущерб в ответных действиях. Второе — иметь такую группировку СЯС, планы и возможности по ее развитию, которые наглядно демонстрируют бесплодность попыток достижения односторонних преимуществ, т. е. бесперспективность гонки вооружений.

Это достигается в случае поддержания примерного общего ядерного паритета оппонентов по количественному составу группировок, их боевым возможностям, а также наличием научной и производственной базы, способной обеспечить адекватный ответ на возможные вызовы в области СНВ.

В качестве критерия сдерживания противника длительное время использовалась угроза причинения ему «неприемлемого ущерба» уничтожением городов и промышленных центров, составляющих основу военного и экономического потенциала.

Однако самый значительный недостаток такого подхода — неопределенность категории "неприемлемого ущерба". Его величина зависит от исторических, экономических, социальных, психологических и других факторов, различных для всех государств. Известные на этот счет критерии А. Сахарова и Р. Макнамары (400—500 боезарядов мегатонного класса) и европейских аналитиков (полагавших достаточным для сдерживания несколько единиц боезарядов) носили сугубо теоретический характер, а результаты обширных исследований в этой области нельзя признать успешными.

Дискуссия с целью определения согласованной величины неприемлемого ущерба, как показывает опыт, в практическом отношении бесплодна. Именно по этой причине в качестве критерия сдерживания было более целесообразно принимать примерный баланс потенциалов ответного удара.

Такие взгляды на стратегическую стабильность сложились в США, а затем в СССР к концу 80-х годов и были на практике в той или иной мере воплощены в Договор СНВ-1, а в 90-е годы в Договор СНВ-2 и рамочное соглашение по Договору СНВ-3.

2. ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СТРАТЕГИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ

На стратегическую стабильность как в период холодной войны, так и до настоящего времени, оказывают комплексное влияние политические, оперативно-стратегические, военно-экономические и военно-технические факторы.

В контексте сохраняющегося взаимного ядерного сдерживания России и США можно рассматривать влияние на стратегическую стабильность следующих основных факторов:

- степень выживаемости СНВ;
- системы противоракетной обороны;
- ядерные вооружения третьих стран;
- высокоточное оружие с неядерным оснащением;
- космическое оружие:
- противолодочная оборона.

Выживаемость СНВ. Как уже отмечено выше, на состояние стратегической стабильности, первоочередное влияние оказывают характеристики структуры ядерной триады и параметры вооружений в этих структурах.

В СССР до середины 80-х годов основной вклад в ядерный баланс с США вносили стационарные ракетные комплексы с РГЧ ИН, которые вследствие высокой инженерной защищенности сохраняли достаточно высокий потенциал ответного удара. В то же время в США их считали дестабилизирующей системой оружия из-за высокого контрсилового потенциала и пониженной живучести. Из-за высокой концентрации головных частей (ГЧ) на таких межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) одним или двумя боезарядами поражается до 10 боеголовок. Опасность потерять эти ракеты подталкивает к ответно-встречному или даже к упреждающему удару, что резко дестабилизирует обстановку.

Стационарные МБР с моноблочными головными частями считались значительно менее дестабилизирующей системой вооружения, которая (будучи уязвимой) может использоваться в ответно-встречном ударе, однако представляет собой относительно низкую ценность для нападающей стороны при нанесении разоружающего удара.

Наиболее стабилизирующими системами вооружения традиционно считались мобильные МБР и подводные ракетоносцы с баллистическими ракетами подводных лодок (БРПЛ), поскольку они должны вносить основной вклад в эффективность ответного удара,

то есть в потенциал ядерного сдерживания, и до определенного времени не играли большой роли в разоружающем ударе.

Правда, до заключения Договора СНВ-1 США рассматривали трудности контроля мобильных МБР как их негативное свойство, предоставляющее возможность скрытного наращивания ракет, развертывания пусковых установок в выработках горных массивов и т.п. Именно поэтому были введены дополнительные правила засчета, инспекции и уведомления в отношении мобильных МБР.

Что касается атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ), то с середины 80-х годов повышенная точность БРПЛ Трайдент-2 с мощными боезарядами типа W-88 стала представлять собой значительную угрозу для стационарных и мобильных МБР СССР/России, что придало этой системе существенный дестабилизирующий характер. И только решение США развернуть не более 400 боезарядов типа W-88 позволило снизить дестабилизирующий эффект этих БРПЛ. В будущем, в ходе глубокого сокращения российских стационарных и мобильных МБР, этот эффект может вновь возрасти.

Среди экспертов периодически обсуждается дестабилизирующая роль подводных ракетоносцев и тяжелых бомбардировщиков (ТБ) при нахождении их в ограниченном количестве пунктов базирования в мирное время из-за высокой концентрации боезарядов и привлекательности таких целей для разоружающего удара. Однако, поскольку в угрожаемый период, без которого в реалистических сценариях конфликтов военные действия с применением любого вида оружия вряд ли могут быть начаты, ПЛАРБ выходят в зоны патрулирования, ТБ рассредоточиваются на значительном количестве запасных аэродромов и готовы к взлету, постольку этот дестабилизирующий фактор можно не рассматривать в качестве значимого.

Системы ПРО способны подорвать стратегическую стабильность в том случае, если они защищают территорию страны от массированного ядерного удара, перехватывая значительную часть атакующих ракет и боезарядов. Если ПРО защищает только базы МБР, ПЛАРБ, стратегической авиации, пункты высших звеньев боевого управления, то она способствует поддержанию стратегической стабильности. Именно этим руководствовались СССР и США при заключении Договора по ПРО 1972 г. и Протокола к нему 1974 г.

Вместе с тем по мере технологического совершенствования информационных и огневых средств ПРО их возможности расширились настолько, что, например, два района ПРО стратегических противоракет GBI на Аляске и в Калифорнии прикрывают по существу всю территорию США от одиночных пусков ракет, т. е. такая ПРО

уже стала территориальной. Но пока она только теоретически противоречит мерам по укреплению стратегической стабильности, так как 30 противоракет GBI никаким образом не влияют на потенциал ядерного сдерживания, имеющийся у России. То же относилось к планировавшемуся прежней администрацией США третьему району ПРО в Польше и Чехии.

Однако подобные решение были дестабилизирующими в политическом смысле, поскольку противоречили соглашениям между США и РФ о стратегическом партнерстве, совместном развитии ПРО, а также создавали значительную долгосрочную неопределенность для России.

Реально дестабилизирующей система ПРО может стать в случае массированного наращивания наземных, морских, воздушных и космических рубежей перехвата ракет и боезарядов на всех участках траектории их полета. (Более подробные оценки влияния ПРО на потенциал сдерживания России будут изложены ниже.)

Ядерные вооружения Великобритании и Франции как в период холодной войны в СССР, так и теперь в России рассматриваются в качестве возможного дополнения, прежде всего, контрсилового потенциала СНВ США при совместном планировании разоружающего удара по российской (советской) ядерной триаде. Оценка опасности совместного применения ядерных сил НАТО может возрастать в условиях глубоких сокращений СНВ США и России. К тому же руководство Великобритании и Франции не ставит развитие собственных ядерных сил в зависимость от хода современного переговорного процесса разоружения РФ и США, хотя заметно ограничивает состав своих сил.

При этом, как считается в России, целями для разоружающего удара со стороны ядерных сил этих государств могут быть, прежде всего, площади патрулирования мобильных МБР, базы ПЛАРБ и стратегической авиации. Тем не менее, хотя ядерные силы Великобритании и Франции систематически рассматривались как дестабилизирующий фактор в ядерном балансе, они не оказывали заметного влияния на программы развития СЯС СССР и России и не влияли на договоры по сокращению СНВ и ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД)³.

В 90-е годы Великобритания и Франция предприняли односторонние добровольные шаги по сокращению своих ядерных арсе-

³ Одним серьезным исключением были усилия СССР учитывать ядерные потенциалы Великобритании и Франции для предоставления СССР преимущества по количеству ПЛАРБ в СНВ-1.

налов. Эти меры целиком касались нестратегических вооружений – авиабомб и глубинных бомб Великобритании и баллистических ракет наземного базирования средней дальности и оперативнотактического класса Франции. В результате Великобритания располагает четырьмя стратегическими подводными лодками, вооруженными закупленными у США ракетами «Трайдент-2»⁴. По утверждениям британского правительства, количество боезарядов на них сокращено примерно до 160, что почти в 4 раза ниже максимальной загрузки. Франция, помимо четырех подводных лодок, сохранила небольшой авиационный компонент. Она остается единственной ядерной державой, обладающей ядерными носителями на авианосце «Шарль де Голль».

Таким образом, после окончания холодной войны европейские ядерные державы практически полностью отказались от тех элементов своего ядерного потенциала, который теоретически мог быть использован в военном конфликте в Европе. Это еще более уменьшило вероятность выполнения ими функции усиления американского ядерного потенциала в ходе подобного конфликта.

В Великобритании ведутся дебаты относительно возможного ограничения будущего состава стратегического подводного флота тремя лодками. Что касается Франции, то в случае очередной волны сокращения ядерных арсеналов России и США, ей будет сложно уклониться от принятия на себя дополнительных односторонних мер в области ядерного разоружения. Отказ от авиационного компонента был бы здесь естественным шагом, укрепляющим стабильность.

Китай, в отличие от Франции и Великобритании, насколько известно, не осуществлял односторонних мер по ядерному разоружению. Однако после окончания холодной войны модернизация его ядерных сил носила качественный характер и не сопровождалась значительным количественным наращиванием. Вместе с тем с учетом роста экономической мощи и военного бюджета Китая, его военно-технических успехов, в случае принятия политического решения, уже в текущем десятилетии китайский арсенал может возрасти на сотни боезарядов.

Тактическое ядерное оружие (ТЯО) во времена холодной войны рассматривалось в СССР в качестве дополнения к СНВ США, развернутого на передовых базах в Европе и Азии, на кораблях и подводных лодках американских ВМС. Тем не менее, поскольку ТЯО

⁴ Боезаряды на них – британского производства и не располагают контрсиловым потенциалом, аналогичным боезарядам W-88, которыми вооружена часть ракет «Трайдент-2», состоящих на вооружении ВМС США.

главным образом фигурировало в сценариях эскалации обычной войны на театрах военных действий, СССР и США никогда не могли достичь согласия относительно его роли в стратегической стабильности. С точки зрения СССР оно было дестабилизирующим средством первого ядерного удара США, а для НАТО – противовесом превосходству СССР и ОВД по вооруженным силам общего назначения.

После окончания холодной войны, распада ОВД и СССР и резкого ослабления российских СОН в ходе затяжного кризиса экономики и военной реформы, стороны поменялись местами. Россия стала рассматривать ТЯО как стабилизирующий элемент военного баланса на театре, компенсирующий относительное превосходство СОН НАТО в ходе расширения альянса на восток. Одновременно в порядке параллельных односторонних инициатив США и СССР/Россия значительно (более чем на порядок) сократили свои средства ТЯО. Также, в отличие от периода холодной войны, ныне США и их союзники все более настойчиво ставят вопрос ограничения и ликвидации ТЯО.

Высокоточное оружие дальнего действия с неядерным оснащением появилось в конце 70-х годов в виде крылатых ракет морского базирования (КРМБ) для ударов по берегу с кораблей и подводных лодок США. Однако в период холодной войны эти средства не рассматривались в СССР в качестве отдельной угрозы. Они были предметом разногласий сторон на переговорах по СНВ только из-за невозможности отличить с помощью национальных технических средств контроля (НТСК) ядерные от неядерных КРМБ.

С конца 90-х годов массированное развертывание ВТО Соединенными Штатами и их эффективное применение в локальных войнах 1999, 2001 и 2003 гг. стали расцениваться рядом экспертов как серьезный дестабилизирующий фактор. По их мнению, потенциально эти средства могут обладать контрсиловым потенциалом, сопоставимым по эффективности с ядерным разоружающим ударом. В новой Военной доктрине РФ 2010 г. угрозе нападения с применением ВТО придается приоритетное значение, как и обеспечению противовоздушной обороны (ПВО) важнейших объектов Российской Федерации и готовности к отражению ударов средств воздушнокосмического нападения⁵.

Действительно, возможности высокоточного оружия и дальность поражения вместе с космическими и авиационными средствами разведки, навигации и наведения на цели постоянно совершенствуются, о чем свидетельствуют две войны в Заливе, а также в Югославии и

 $^{^5}$ См.: Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 г.

Афганистане за последние 20 лет. Однако по отношению к оценке роли высокоточного оружия как дестабилизирующего фактора в ядерном балансе Россия — США его потенциальные способности необходимо сопоставлять с реальными сценариями военных действий.

Во-первых, широкомасштабные военные действия с применением неядерных средств поражения требуют достаточно длительной подготовки, включающей массированные переброски войск, перебазирование авиации, корабельного состава и развертывание. Для этого необходимо (по опыту даже намного менее крупных операций, чем гипотетическая подготовка войны с Россией) несколько месяцев, что скрыть абсолютно невозможно. В такой обстановке Вооруженные силы России, включая ядерную триаду, будут приведены в полную боевую готовность с максимальным рассредоточением и маскировкой. Поэтому поразить высокоточным оружием можно будет главным образом только часть стационарных объектов типа ШПУ и КП, прикрытых от авиационных ударов территориальными и объектовыми средствами ПВО. Основная часть мобильной группировки МБР, самоходные пусковые установки которой патрулируют на значительной площади и хорошо замаскированы от оптических и радиолокационных средств разведки, а также подводные ракетоносцы в морских и океанских районах патрулирования, сохранят значительный потенциал ядерного сдерживания после разоружающего удара не только обычных, но и ядерных средств поражения.

Во-вторых, одномоментное поражение даже разведанных стационарных целей высокоточным оружием морского и авиационного базирования невозможно из-за чрезвычайно сложного планирования подобного удара по очевидным причинам, связанным с огромной территорией России и прогнозируемым расположением носителей высокоточного оружия. Таким образом, разоружающий удар по ядерным силам России с применением высокоточных неядерных средств поражения связан с достаточно продолжительными военными действиями, при которых, несмотря на значительное превосходство сил общего назначения США и государств НАТО, этим силам будет оказано активное противодействие. Необходимо также представлять, что в такой войне удары будут наноситься не только по ядерным силам России, но и по всей совокупности военных и промышленных объектов воюющих сторон.

Наконец, насколько известно, в СССР и России всегда рассматривались все возможные сценарии военных действий с применением неядерных средств поражения, при которых оценивались допустимые потери ядерной триады, после превышения которых считалось необходимым применять ответные меры с использованием ядерного оружия. По существу такие установки определены и в военных доктринах России 2000 и 2010 гг.

Все это позволяет утверждать, что планирование подобных военных действий со стороны США и НАТО против России даже с чисто военной точки зрения — полная бессмысленность, не говоря уже о политическом и экономическом аспектах. Поэтому по отношению к официальным членам «ядерного клуба» сценарии широкомасштабных разоружающих ударов высокоточным неядерным оружием можно рассматривать в основном в качестве теоретических изысканий.

Космическое оружие, то есть боевые космические системы, развернутые в космосе, на земле, в воздухе и на море для поражения объектов в космосе и из космоса. В период холодной воны такие вооружения были развернуты в СССР и США в ограниченном масштабе (противоспутниковые системы) и не играли сколько-нибудь значительной роли в стратегическом балансе.

В будущем космическое оружие при определенных обстоятельствах может получить широкое развитие в качестве противоспутниковых средств разнообразного базирования и орбитальных систем ПРО. При таком сценарии оно способно играть не только роль дестабилизирующего фактора в уравнении ядерного баланса, но оказывать значительное влияние на вертикальное и горизонтальное ядерное распространение.

Максимальными потенциальными возможностями развертывания космического оружия в обозримой перспективе обладают США. Если решение об этом будет принято, то главной возможностью для России парировать подавляющее превосходство США в космосе как сфере военной деятельности может стать наращивание ядерного оружия (помимо развития противоспутниковых систем). Ответная реакция США путем повышения своего потенциала СНВ и ПРО приведет к неизбежному нарушению, как минимум, стратегической «стабильности гонки вооружений», а возможно, и «кризисной стабильности».

Противолодочная оборона во время холодной войны и до настоящего времени рассматривалась в СССР и России как дестабилизирующий фактор. В США и Советском Союзе одновременно с появлением первых ПЛАРБ приступили к совершенствованию сил борьбы с ними, равно как и сил обеспечения боевой устойчивости ПЛАРБ в море. В 70-е годы прошлого столетия в США была создана глобальная система гидроакустического обнаружения подводных лодок SOSUS, обладающая достаточно высокой эффективностью в борьбе с подводными лодками. Антенны SOSUS были развернуты вдоль западного и восточного побережий США, на противолодочных

рубежах мыс Нордкап – о. Медвежий, Гренландия – Исландия – Фарерские острова – Великобритания, а также в Тихом океане.

В дополнение к этому США осуществляли систематическое наблюдение за ПЛАРБ в прибрежных зонах СССР. Отрицательным моментом была и более высокая, по сравнению с американскими, шумность советских/российских подводных лодок.

В конце 70-х — начале 80-х годов на вооружение ВМФ СССР поступили ракетные подводные лодки проектов 667Б, 667БД, 667БДР, а затем 941 «Тайфун» и 667БДРМ, оснащенные ракетами межконтинентальной дальности. Советским ПЛАРБ уже не нужно было преодолевать противолодочные рубежи для выхода в районы боевого патрулирования. Основным способом противолодочной деятельности США стало скрытное наблюдение за советскими ПЛАРБ в прибрежных зонах. Противодействие силам противолодочной обороны США должны были оказывать советские силы обеспечения боевой устойчивости, включающие надводные и подводные корабли, противолодочную авиацию, гидроакустическая система освещения подволной обстановки.

Тем не менее результаты моделирования боевых ситуаций в начале 90-х годов, выполненные западными экспертами, показывали, что в ходе противолодочных операций начального периода войны может быть уничтожено до 30–40% российских стратегических подводных лодок.

Таким образом, противолодочная оборона с позиции России продолжает оставаться одним из значимых факторов дестабилизации военно-стратегического равновесия. Позитивным шагом США, способствующим снижению озабоченности России, стало свертывание программы Sea Wolf – строительства перспективного класса многоцелевой атомной подводной лодки на смену подводным лодкам типа Los Angeles – основному средству скрытого наблюдения за российскими ПЛАРБ. Однако, необходимо отметить, что американская сторона до настоящего времени не считала возможным в каком-либо виде ограничить масштабы и районы своей противолодочной деятельности.

Итак, в порядке приоритетности следующие факторы признавались определяющими степень стратегической стабильности в годы холодной войны и (по инерции) в первый период после ее окончания в начале 90-х годов:

- степень выживаемости СНВ и способность нанести ответным ударом недопустимый ущерб при любых условиях начала войны;
- объем контрсилового потенциала СНВ, как обратная величина по отношению к выживаемости СНВ другой стороны;

- ограничение систем ПРО территории и эффективность средств ее преодоления у обеих сторон как гарантия нанесения ответного удара;
- примерное равенство сторон по числу боезарядов и носителей СНВ;

Следующие три критерия фигурировали главным образом в подходах СССР, но не принимались Соединенными Штатами и не были воплощены в положениях договоров по СНВ:

- роль и вклад третьих стран в стратегическую стабильность;
- влияние сил общего назначения и средств двойного назначения передового базирования США в качестве носителей оперативно-тактических ядерных вооружений;
- противолодочной обороны (ПЛО) НАТО в Атлантике и американо-японских ВМС на Тихом океане.

3. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ДЕСТАБИ-ЛИЗИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

В конце прошлого и начале нового века, как уже отмечено выше, представления о стратегической стабильности значительно расширились за счет новых угроз и дестабилизирующих факторов. В известной мере такое расширение лишает это понятие ясного и четкого содержания и затрудняет согласование его понимания разными державами. В то же время было бы неправильно и нереалистично консервировать прежнее понимание стратегической стабильности, относящееся к периоду холодной войны, как и тесно связанных со стратегической стабильностью принципов взаимного ядерного сдерживания.

Ранее можно было сказать, перефразируя слова У. Черчилля, что ядерное сдерживание было самым плохим средством избежать новой мировой войны, кроме всех остальных. Теперь противоречивость этого тезиса становится настолько очевидной, что заставляет существенно пересматривать и переоценивать роль ядерного сдерживания в обеспечении безопасности великих держав и мирового сообщества в целом.

Причины этого заключаются, во-первых, в несоответствии ядерного сдерживания реальным вызовам и угрозам, возникшим после холодной войны. Сдерживание остается эффективным по отношению к наименее вероятным и надуманным угрозам, среди которых

ядерное или широкомасштабное нападение с использованием обычных вооружений великих держав и их союзов друг на друга. Но оно совершенно бесполезно против новых, реальных угроз безопасности, таких как распространение ядерного оружия, международный терроризм, этнические и религиозные конфликты и их последствия, распространение наркотиков, трансграничная преступность, нелегальная иммиграция и т.д.

Во-вторых, сохраняющиеся принципы ядерного сдерживания, и прежде всего взаимного ядерного сдерживания между Россией и США, в большей степени ограничивают возможности великих держав к глубокому сотрудничеству в консолидированном противодействии новым вызовам и угрозам. В первую очередь это проявляется в возникших серьезных противоречиях вокруг планов развертывания ПРО США, НАТО и Японии для защиты от ядерного и ракетного оружия «стран-изгоев», которое воспринимается Россией (и КНР) как угроза ее потенциалу ядерного сдерживания. Достаточно наглядно это несоответствие взаимного сдерживания и императива сотрудничества проявляется в трудностях осуществления взаимных обязательств России и США по созданию совместного Центра обмена данными о ракетных пусках (ЦОД) и, особенно, по совместному развитию систем ПРО ТВД России—НАТО и глобальной ПРО России—США.

Ядерное противостояние, пусть и отодвинутое на задний план текущей политики, не способствует сотрудничеству разведывательных сообществ и вооруженных сил при проведении специальных операций против террористов как, например, в рамках «Инициативы по безопасности в борьбе с распространением ОМУ», в операциях «Активные усилия» и др.

В-третьих, сохраняя состояние ядерного сдерживания, ядерные государства растрачивают значительные материальные, интеллектуальные и технологические ресурсы, которые могли бы с большей эффективностью использоваться для сотрудничества в обеспечении глобальной и региональной безопасности.

В-четвертых, распространение ядерного оружия и его носителей в мире не влечет автоматического воссоздания взаимного ядерного сдерживания и стратегической стабильности на региональном уровне. Можно со всей определенностью утверждать, что отработанный за десятилетия механизм сохранения стратегической стабильности в рамках взаимного ядерного сдерживания, включая системы предотвращения несанкционированного применения, в значительной части отсутствует на региональном уровне во взаимоотношениях между новыми ядерными государствами.

Стабильность будет окончательно разрушена в случае дальнейшего распространения ядерного оружия и неизбежного получения доступа к нему международным терроризмом. Это полностью упразднит все механизмы ядерного сдерживания как средства обеспечения национальной и международной безопасности.

Таким образом, сохранение и далее в качестве важнейшей основы безопасности системы ядерного сдерживания (которая за годы глобальной конфронтации обрела существенные стабилизирующие компоненты и, за неимением лучшего, служила предотвращению третьей мировой войны), с учетом новых угроз и процессов, неминуемо повлечет эрозию стратегической стабильности и нарастание вероятности боевого или террористического применения ядерного оружия с катастрофическими последствиями для современной цивилизации.

4. СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПО-ЛИТИКИ США И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Изложенную выше новую философию роли ядерного сдерживания в обеспечении безопасности разделяют далеко не все в США, а в России она пока еще пользуется поддержкой явного меньшинства экспертов, политиков, военных и гражданских должностных лиц, прессы и общественного мнения. Сейчас в этих кругах ядерное сдерживание считается гораздо более важным фактором национальной безопасности, чем даже в худшие годы холодной войны. Характерно, что такую позицию занимают не только националисты, коммунисты и консерваторы, но и значительная часть либеральных, в том числе прозападных кругов.

Причины этого, прежде всего, в глубоком разочаровании российской общественности в результатах посткоммунистического внутреннего развития страны и опыте взаимоотношений с США и их союзниками в течение последних 20 лет. Особенно негативное влияние оказали следующие моменты:

- произвольное, вне рамок международного права, применение силы со стороны США и НАТО в 1999 г. в Югославии и в 2003 г. в Ираке;
- расширение НАТО, вопреки всем возражениям России, на страны Центральной и Восточной Европы, освобожденные горбачев-

ским руководством СССР и ельцинской демократической Россией от коммунистического угнетения и военной оккупации;

- деградация в годы правления республиканской администрации системы договоров и переговоров по разоружению (договоры по ПРО, СНВ-2, СНВ-3, соглашения по ПРО ТВД от 1997 г., Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) и пр.) и настойчивая линия США на упразднение разоружения в качестве средства укрепления безопасности;
- отсутствие внятных и обоснованных альтернатив взаимному ядерному сдерживанию как основы стратегических отношений ядерных держав, не являющихся военно-политическими союзниками;
- усиление доктринальных акцентов на ядерное сдерживание (включая его упреждающее и превентивное применение) при республиканской администрации в контексте общей публичной официальной ориентации на достижение превосходства США по новейшим вооружениям, в том числе по ПРО, ВТО, космическим системам оружия;
- открытое и даже вызывающее пренебрежение со стороны США озабоченностями России в вопросах региональной и глобальной безопасности;
- ощущение продолжающегося ослабления позиций России в глобальной и региональной системе военно-политических отношений с другими державами и союзами;
- деградация российских сил общего назначения, растущее отставание по новейшим военным технологиям и технологиям двойного назначения, кризис оборонной промышленности и многолетняя стагнация военной реформы России.

Последний фактор, безусловно, относится к ответственности самой России, но он воспринимается особенно остро на фоне перечисленных выше аспектов политики США и НАТО.

Смена администрации в результате победы Барака Обамы в 2008 г., ставшая важным поворотным моментом истории США, была для российских политических кругов и общественности далеко не достаточным фактором перемен, чтобы снять накопившиеся разочарование, недоверие и враждебность в отношении США, переговоров и договоров с Вашингтоном.

Для изменения этого восприятия недостаточно речей и деклараций со стороны американского руководства. Только длительная и последовательная политика соглашений США и России, развитие их практического сотрудничества в сфере безопасности, снятие практи-

ческими мерами озабоченностей $P\Phi$ могут постепенно вернуть доверие и надежду на устойчивое партнерство между двумя державами.

По сравнению с периодом холодной войны преобладающее в России восприятие стратегической стабильности претерпело определенные изменения. В той или иной мере они могут быть предметом согласования с США и состоят в следующем.

- 1. В самосознании новых правящих кругов значительно возросла политическая роль ядерного потенциала России, утратившей статус второй мировой сверхдержавы почти во всех иных сферах. При этом политические эффекты и символика заметно потеснили рациональную составляющую в качестве политики поддержания стратегической стабильности.
- 2. Как ни парадоксально, в то же время примерному равенству (паритету) с США по количественным характеристикам СНВ, если судить по негативному отношению к Договору СНВ-1 и новому Договору в некоторых кругах, придается теперь меньше значения.
- 3. Критерии достаточности потенциала ответного удара существенно понижены, но отнюдь не сводятся к поражению одного или нескольких городов гипотетического противника.
- 4. Несмотря на окончание холодной войны, возможность вооруженного конфликта с США и их союзниками не снята полностью с повестки дня (из-за таких поводов, как соперничество за господство над постсоветским пространством, борьба за источники энергосырья, контроль над стратегически важными коммуникациями и пр.), хотя и считается крайне мало вероятной.
- 5. Стали более явными попытки имитировать американские доктринальные положения (первый ядерный удар, избирательные, упреждающие, демонстративные, превентивные удары и пр.).
- 6. Системы ПРО территории более не считаются однозначно дестабилизирующими, как в 70–80-е годы. Россия может согласиться с развертыванием ПРО ТВД и глобальной системы США и их союзников, если это будет согласовано с ней и, тем более, основываться на сотрудничестве великих держав.
- 7. Меньше внимания уделяется роли потенциалов третьих ядерных держав, но по мере сокращения СНВ акцент на этом аспекте ядерного баланса будет усиливаться.
- 8. Гораздо большее значение придается развитию систем ВТО большой дальности как новому дестабилизирующему фактору более важному, чем системы ПРО, ТЯО, асимметрии и возвратный потенциал в пользу США по СНВ.
- 9. Переговоры и соглашения по разоружению стали признанным «козырем» внутриполитической борьбы (нападки на CHB-1 и

следующий Договор) и внешнеполитических жестов («замораживание» Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), заявления о возможном выходе из Договора по РСМД).

Очевидно, что такой господствующий подход к проблеме делает достижение соглашений по глубокому ядерному разоружению по ряду направлений намного более сложным делом, чем во времена СССР.

5. ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЗАИМНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

Меры, направленные на поэтапную трансформацию системы взаимного ядерного сдерживания, разрабатываются в течение длительного времени.

Теоретически они могут быть связаны с дальнейшими сокращениями СНВ двух ядерных сверхдержав, со снижением опоры на ядерное сдерживание в доктринальных установках. В этой связи обращает на себя внимание более осторожная формулировка новой Военной доктрины РФ 2010 г. относительно роли и условий применения Россией ядерного оружия: «Недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого военного конфликта, — важнейшая задача Российской Федерации... Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» По всей видимости, более сдержанная трактовка роли ЯО будет представлена и в новой ядерной доктрине США.

Важнейший шаг — отказ России и США от планирования пусков ракет на основании информации от систем раннего предупреждения, понижение оперативно-технической готовности к запускам ракет наземного и морского базирования, объединение систем предупреждения о пусках ракет. Наконец, финальный этап — совместная разработка и использование систем ПРО.

 $^{^{6}}$ Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 г.

Как перечисленные, так и другие меры в принципе должны не только сохранить, но и повысить уровень стратегической стабильности в новых условиях.

Дестабилизирующее влияние ПРО в условиях нового Договора по СНВ, даже если она будет развертываться США в одностороннем формате в соответствии с представленными в настоящее время планами администрации президента Б. Обамы, окажется практически неразличимым, особенно с учетом высокоэффективных средств преодоления ПРО на российских МБР и БРПЛ.

Объясняется это, в первую очередь, значительным снижением эффективности гипотетического разоружающего удара СНВ США. В результате эффективность ответного удара ядерных сил России повышается по сравнению с тем, каким она может быть в условиях ограничений СНВ по Московскому Договору о стратегических наступательных вооружениях (СНП) (1700–2200 боезарядов) и, тем более, по сравнению с условиями Договора СНВ-1. При сокращении СНВ России и США до уровня порядка 1000 боезарядов и рациональной структуре СЯС разоружающий удар вообще теряет всякий смысл, поскольку у стороны, подвергающейся нападению, остается больше ракет и боезарядов для ответного удара, чем у агрессора. (Состояние стабильности при сокращении СНВ ниже уровня примерно в 1000 боезарядов требует дополнительных исследований.)

В то же время развертывание ПРО в одностороннем формате неизбежно приведет росту политической напряженности между Россией и США, что отрицательно скажется на стратегическом диалоге и консолидации усилий в противодействии реальным вызовам и угрозам.

Наиболее благоприятные условия для укрепления стратегической стабильности могли бы сложиться при совместной разработке, развертывании и использовании систем ПРО Россией, США, государствами НАТО и ЕС, а также Японией с последующим включением в отдельные структуры этой системы Китая. В данном случае произошла бы радикальная трансформация состояния взаимного ядерного сдерживания не только двух ядерных сверхдержав, но и принципов ядерного сдерживания в политике обеспечения безопасности официальных членов «ядерного клуба» в рамках ДНЯО.

В военно-техническом ключе потенциал сотрудничества России с США и другими государствами НАТО в разработках, развертывании и использовании информационных систем и противоракет ПРО ТВД и стратегической ПРО с разделением зон ответственности остается значительным.

Для начала необходимо возобновить прерванную серию компьютерных учений России, США и НАТО по ПРО ТВД и приступить

к совместной разработке таких систем. Во-первых, это реалистично в стратегическом отношении, поскольку по Договору РСМД Россия и США не имеют таких наступательных вооружений, и ПРО не станет влиять на российско-американский военный баланс, а будет явно направлена против третьих стран. Во-вторых, в ближайшее время третьи страны, скорее всего, будут создавать не межконтинентальные ракеты, а именно ракеты средней и тактической дальности. Втретьих, в ПРО ТВД проявится забота великих держав о безопасности их союзников, а Россия будет заинтересована в ней непосредственно, находясь в пределах досягаемости баллистических ракет средней дальности (БРСД) и оперативно-тактических ракет (ОТР) третьих стран. Впоследствии на основе опыта и технологий ПРО ТВД державы смогут приступить к развитию совместной стратегической (глобальной) ПРО.

Вместе с тем нельзя не видеть, что совместная система ПРО предполагает не только глубокую трансформацию отношений вза-имного ядерного сдерживания между ведущими державами, но и фактически их тесный военно-политический союз. Однако в настоящее время угроза со стороны новых стран — обладателей ракетного и ядерного оружия не стала достаточно пугающей, чтобы побудить ведущие державы к такому союзу, да и «адреса» угроз определяются ими по-разному. Для США — это Иран, КНДР, негласно, видимо, КНР. Для России адреса могут быть другими.

Препятствует такому союзу и очевидное неравенство экономических и военно-технических потенциалов США и России, предполагающее неравную роль в таком союзе, что неприемлемо для РФ. Большие проблемы связаны с внутриполитической ситуацией в России, ее восприятием угроз со стороны США и НАТО, которые пока заметно перевешивают опасности, исходящие от «стран-изгоев» и террористов.

Наконец, совместная с США и их союзниками ПРО без Китая противопоставила бы Россию ее восточному соседу, в отношениях с которым Россия чувствует себя все более уязвимой и зависимой в экономическом, демографическом и военном планах. Готовность КНР присоединиться к такому союзу и общей системе ПРО остается большой неизвестной величиной в глобальном уравнении безопасности. Связывание себе рук союзом с США, Россией, Японией и другими державами, видимо, не входит в стратегические и глобальные геополитические планы Китая, который ведет планирование совсем в ином масштабе времени, чем народы евро-атлантической цивилизации.

Влияние на стратегическую стабильность более глубоких сокращений СНВ России и США (ниже уровня 1000 боезарядов), с учетом расширенного перечня дестабилизирующих факторов, может быть оценено после дополнительных углубленных исследований. Речь идет о воздействии рассмотренных выше таких дестабилизирующих факторов, как высокоточное обычное оружие, ядерные вооружения других государств, противолодочная оборона и других.

В новых условиях состояние стратегической стабильности и все меры по ее укреплению, включая процессы сокращения СНВ, могут быть необратимо разрушены, если будут разворачиваться боевые космические системы, оружие на земле, в воздухе и на море для поражения объектов в космосе и из космоса. Дестабилизирующее влияние последующей за этим гонкой космических вооружений будет значительно более сильным, по сравнению с прошлым периодом, поскольку приведет не только к гонке вооружений между ядерными державами, но и к горизонтальному распространению ядерного оружия, подрыву всего режима ядерного нераспространения.

В целях укрепления стратегической стабильности при существенных дальнейших сокращениях СНВ в структурах ядерных триад двух государств (ни от одной из составляющих которых они в ближайшей перспективе не планируют отказываться) должны превалировать системы вооружений с повышенной выживаемостью. Это связано не с опасностью контрсилового удара, вероятность которого будет неуклонно уменьшаться, а с логикой глубокого сокращения уровней СНВ, возможными мерами взаимного понижения готовности сил к немедленному применению, планами совмещения СПРН и впоследствии систем тактической и стратегической ПРО.

Требование обеспечения выживаемости относится прежде всего к ядерной триаде России, поскольку в США в основе сил сдерживания по-прежнему останутся подводные ракетоносцы. В СЯС России целесообразно продолжать первоочередное развертывание наземно-мобильных ракетных комплексов МБР. Заявленные планы возобновления программы жидкостных МБР шахтного базирования следует признать необоснованными и затратными. Это как раз типичный пример принесения стратегической рациональности в жертву политической символике под давлением лоббистских группировок. В морской компоненте России необходимо повышение эксплуатационных характеристик подводных ракетоносцев, с тем чтобы в зонах патрулирования могли находиться не менее половины от всего их боевого состава.

6. ПОНИЖЕНИЕ ГОТОВНОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЯДЕРНЫХ СИЛ К ЗАПУСКУ

Значительную роль в укреплении стратегической стабильности могут играть организационно-технические меры по снижению готовности к пускам ракет. Это непосредственно связано с отказом России и США от планирования ответно-встречных ударов по информации от систем предупреждения о ракетном нападении. Работы в этих направлениях ведутся уже длительное время⁷.

Здесь же отметим, что подготовленный недавно проект «Исполнительного соглашения между президентами Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки о неотложных мерах по предотвращению возможности пусков ракет по причине ложного предупреждения», в котором стороны обязуются исключить из планов боевого применения своих стратегических наступательных сил пуски ракет наземного, морского и воздушного базирования на основании информации от систем предупреждения о пусках ракет, базируется на надежном контроле различных способов понижения готовности к пускам с использованием отработанных инспекционных процедур. Ниже основная часть этих предложений рассматривается с учетом ряда изменений, происшедших за последнее время.

Концепция ответно-встречного удара. С развитием стратегических наступательных вооружений и обеспечивающих систем (системы боевого управления и связи, системы космической разведки, космических и наземных систем предупреждения о ракетном нападении) повышалась их боеготовность, прежде всего, через сокращение времени подготовки баллистических ракет к запуску после получения санкции государственного руководства. Это направление достигло своего высшего воплощения в оперативной концепции запуска ракет наземного и морского базирования на основании информации от систем предупреждения о пусках ракет противника. Стала реальной возможность осуществления ответно-встречного удара, то есть использования ядерного потенциала до того, как он может быть уничтожен противником. Другие обозначения того же понятия: «запуск по предупреждению» или «запуск в ходе нападения» противника.

⁷ Cm.: Arbatov A., Dvorkin V. Beyond Nuclear Deterrence. Carnegie Endowmrnt for International Peace. Wash., DC., 2006.

Существует мнение, что в эпоху холодной войны и глобального противостояния военно-политическое руководство СССР делало главную ставку на ответно-встречный удар. Однако, если судить по реальным программам, основой ядерного сдерживания в СССР всетаки считался гарантированный ответный удар. Неопровержимое подтверждение этому — четырехразовое повышение защищенности шахтных пусковых установок МБР по мере роста точности попадания МБР и БРПЛ США.

А когда точность попадания американских боезарядов с вводом МБР "МХ" и БРПЛ "Трайдент-2" возросла настолько, что дальнейшее традиционное повышение инженерной защиты шахт стало бессмысленным, в СССР вынуждены были вводить в боевой состав пусковые установки МБР грунтового и железнодорожного базирования. И это делалось несмотря на то, что стоимость развертывания, например, мобильного грунтового ракетного комплекса «Тополь» в расчете на один боезаряд примерно на порядок превышала аналогичную стоимость для МБР в ШПУ. Это было необходимо для повышения живучести ядерных сил, то есть для гарантированного ответного удара, поскольку для осуществления ответно-встречного удара такие системы были не нужны, так как техническая готовность к старту ракет мобильных комплексов ниже.

Ядерное сдерживание на основе потенциала ответного удара в принципе не требует поддержания сил в готовности к ответновстречному удару, но такая стратегия, безусловно, является одним из самых напряженных вариантов воплощения доктрины ядерного сдерживания. Спустя 20 лет после окончания холодной войны имеются серьезные основания для взаимного пересмотра и глубоких корректировок таких концепций.

Подлетное время МБР при ударе США по СССР/России или в обратном направлении составляет примерно 30 мин. За это время пуск ракет должен быть обнаружен системой СПРН и, после приятия решения на высшем уровне, передан приказ на запуск ракет. С начала 80-х годов после появления контрсилового потенциала у БРПЛ (американские ракеты «Трайдент-2») требования к системам ОВУ еще более ужесточились ввиду сокращения подлетного времени боезарядов БРПЛ до 15–20 мин.

Опасность случайного или непреднамеренного обмана ядерными ударами всегда сохранялась как результат технического сбоя или неправильной оценки информации СПРН. Ведь даже при идеальном срабатывании всех систем государственному руководству оставалось всего несколько минут на принятие самого апокалипсиче-

ского из всех вообразимых решений – о массированном ядерном ударе по другой сверхдержаве.

Из девяти ядерных государств лишь Россия и США имеют концепции ОВУ в своей ядерной стратегии и обладают соответствующей технической базой для ее осуществления. Другие государства — обладатели ЯО не имеют существенного контрсилового потенциала против сил США или РФ, и для ответного удара по ним двум главным ядерным державам не нужна концепция ОВУ. Сами по себе другие страны не обладают необходимыми для ОВУ системами предупреждения и управления, а их ракеты не поддерживаются в достаточно высокой готовности к запуску.

США способны осуществить ОВУ с использованием МБР наземного базирования. Россия – с помощью группировки ракетных войск стратегического назначения (РВСН) и частью БРПЛ на подводных лодках, находящихся в базах в состоянии боевого дежурства.

Риски концепции «запуска по предупреждению». Планы и средства «запуска по предупреждению», безусловно, являются показателем высочайшего уровня организационно-технического развития СЯС обеих держав. Но в то же время их нельзя не признать анахронизмом холодной войны, причем анахронизмом весьма опасным.

Во-первых, в современных политических реалиях вероятность разоружающего ядерного удара США и России друг по другу, на которую была рассчитана стратегия ОВУ, практически сведена к нулю.

Во-вторых, учитывая совершенно иные ставки в любом мыслимом конфликте двух держав, критерии допустимого ущерба радикально понижены. Даже угроза потери одного или нескольких крупных городов вполне достаточна для сдерживания ядерного нападения одной из держав на другую. Для этого более не требуется, чтобы преобладающая часть наземных сил выжила в случае гипотетического первого удара противника.

В-третьих, после распада СССР система СПРН России частично деградировала, и возросла опасность или несвоевременного предупреждения о ядерном ударе, или ошибочной оценки информации и выдачи санкции на запуск ракет по ложной тревоге со всеми предсказуемыми катастрофическими последствиями.

В-четвертых, живучесть СЯС двух держав не только не снижается, но возрастает. В снижающихся количественных потолках стратегических сил США переносят все большую часть своего потенциала на ракетные силы морского базирования. Россия в свою очередь не планирует снижать программы развития мобильных МБР наземного базирования и нового поколения РПК СН.

В-пятых, распространение ядерного оружия и ракетных технологий в мире, в том числе среди безответственных и неустойчивых режимов и экстремистских группировок, будет увеличивать вероятность случайных и провокационных запусков баллистических и крылатых ракет (особенно морского базирования⁸) и даже ядерных террористических актов, в том числе в столицах великих держав. Поддержание СЯС в режиме ОВУ в таких условиях может повлечь спонтанный обмен ядерными ударами.

Наконец, в-шестых, сохранение крупных ракетных сил в минутной готовности к удару по территории друг друга является жестким препятствием для углубленного взаимодействия двух держав в борьбе с общими новыми угрозами безопасности XXI в., прежде всего с распространением ОМУ и его носителей, международным терроризмом и стремлением последнего к обретению ядерного оружия. В частности, ядерное противостояние «на боевом взводе» не может сосуществовать с совместными системами СПРН и, тем более, ПРО.

Доводы в пользу сохранения высокой готовности. Несмотря на приведенные соображения в политических и военных кругах России и США присутствует сильное сопротивление предложениям по взаимному отказу двух держав от концепции ОВУ. Это идет вразрез с глубоко традиционной военной логикой, по которой высокая боеготовность и способность немедленного ответного удара — это огромное преимущество и важнейшая задача боевой подготовки и технического совершенствования вооруженных сил и средств.

Помимо этого есть ряд конкретных соображений в пользу сохранения этой концепции:

Первое. При осуществлении ОВУ, несмотря на все сложности такой операции, системы СПРН и боевого управления фактически будут действовать в режиме мирного времени, то есть полностью работоспособны, в отличие от условий после ядерного удара противника.

Второе. Не будучи запущены по предупреждению СПРН, МБР наземного базирования в ШПУ будут существенно ослаблены в результате контрсилового удара США. Асимметрия в пользу США состоит в том, что российские СЯС в большей степени опираются на уязвимые стационарные МБР (а также держат большую часть подводных лодок в базах и авиацию, сосредоточенную на малом числе аэродромов). И в то же время, они обладают менее значительным

⁸ БРПЛ и КРМБ, запущенные с кораблей, судов и подводных лодок представляют собой особую опасность, поскольку национальную принадлежность такого ракетного удара трудно определить для осуществления адекватного ответа.

контрсиловым потенциалом против американских СЯС, в которых центр тяжести приходится на морскую составляющую триады.

Третье. Вероятность развертывания эшелонированной ПРО США и массового внедрения ВТО большой дальности в перспективе повышает ценность концепции ОВУ для России в целях ухода от поражения в местах базирования и для перенасыщения оборонительных систем противника.

Четвертое. Взаимный отказ от ОВУ будет или неконтролируемым (как соглашения о ненацеливании) или слишком сложным как объект переговоров, если поставить цель достижения технически реализуемого, проверяемого, безопасного, экономичного и сбалансированного соглашения при имеющихся асимметриях сил двух держав.

Пятое. В кризисной ситуации может начаться гонка по восстановлению боеготовности сил сторон, что создаст стимулы к первому удару для стороны, которая опередит оппонента.

Названные аргументы необходимо учитывать. Вместе с тем значительная часть этих доводов основана на недостаточно глубоком анализе стабилизирующих и организационно-технических аспектов проблематики.

Концепция понижения боеготовности. Прежде всего, если понижение готовности к запуску не сугубо символический акт, а согласованные организационно-технические и проверяемые мероприятия снижения уровня напряженности и влияния дестабилизирующих факторов, то они требуют углубленной совместной проработки и непростого процесса согласования.

В принципе поэтапные контролируемые меры понижения готовности могли бы быть реализованы для уровней СНВ по Договору СНВ-1 и Московскому Договору СНП 2002 г. В то же время они потребовали бы более высоких затрат времени и средств сторон по сравнению с теми, которые необходимы в условиях нового Договора по СНВ и в случае договоренностей по дальнейшим сокращениям СНВ до уровней порядка 1000 боезарядов.

Однако не обязательно ждать много лет для согласованного понижения готовности СЯС и отказа от концепции ответновстречного удара в условиях нового Договора по СНВ, поскольку его действие и переговоры по дальнейшим сокращениям займут многие годы. Некоторые первоочередные шаги можно сделать достаточно быстро.

Параллельно с началом консультаций по контролируемым организационно-техническим мерам понижения готовности и обсуждением проекта «Исполнительного соглашения между президентами Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки о неотлож-

ных мерах по предотвращению возможности пусков ракет по причине ложного предупреждения», необходима, как уже отмечено, безотлагательная реанимация проекта Совместного Центра по обмену данными о пусках ракет и развитие его функций для работы в реальном масштабе времени, то есть для немедленного обмена данными СПРН России и США о любых ракетных пусках в глобальном масштабе.

В последующем можно согласовать приглашение на взаимной основе офицеров другой стороны на высшие командные пункты при проведении полномасштабных учений СЯС, чтобы продемонстрировать, что выполнение операций в рамках ОВУ не входит в содержание учений.

Технические меры понижения готовности. Очевидно, что обсуждение конкретных организационно-технических мер понижения готовности требуют благоприятного политического климата и взаимного доверия сторон. Способствовать этому в какой-то степени может то, что значительная часть комплекса таких технических мер обсуждалась специалистами при разработке мероприятий по подготовке к практической реализации Договора СНВ-2, который предусматривал досрочную «деактивацию» носителей, подлежавших ликвидации по указанному Договору.

При этом под «деактивацией» понималось приведение элементов ракетных комплексов каждой из сторон из исходного в такое состояние, при котором пуск ракет без возврата их в исходное состояние был невозможен. Время такого возврата могло варьироваться и поэтапно удлиняться на взаимной, сбалансированной и контролируемой основе.

В части «деактивации» МБР предлагались следующие способы:

- отделение головных частей;
- демонтаж бортовой батареи питания;
- демонтаж газогенераторов открытия крыши ШПУ;
- механическое расчленение пневмогидравлической системы предстартовой подготовки и пуска MБР.

Методы «деактивации» БРПЛ по понятным причинам могут относиться только к подводным лодкам в базах. В качестве возможных вариантов понижения готовности БРПЛ к немедленному пуску могут быть рассмотрены следующие:

- блокирование открытия крышки пусковой установки БРПЛ методом сварки;
 - снятие головных частей развернутых БРПЛ;
- извлечение из пусковых установок подводных лодок их БРПЛ и помещение на хранение.

При этом все описанные способы обеспечивают полный контроль за техническим состоянием ядерной безопасности на боевом дежурстве, проведение дистанционных электрических проверок, не препятствуют проведению плановых обслуживаний и устранению неисправностей.

Авиационная составляющая триад России и США обычно не связывается с концепцией ОВУ. Тем не менее при достаточно глубоком понижении готовности ракет к пуску авиацию нельзя исключать из комплекса мер проверяемой «деактивации», поскольку подлетное время бомбардировщиков (7–10 часов) будет меньше, чем время приведения ракет в исходное состояние.

В отношении бомбардировщиков могли бы применяться меры «деактивации», основанные на принципах их переоборудования для неядерных функций по СНВ-1. «Деактивация» ядерных ТБ по аналогии с ракетами должна будет исключить их быстрое использование без возврата в исходное состояние. Например, такими мерами могли бы стать снятие и удаленное от авиабаз (скажем, на 100 км) хранение внутрифюзеляжных и внешних устройств подвески ракет и бомб и т.д.

Как показывают расчеты, в зависимости от исходного количества стратегических вооружений и методов «деактивации», время полного восстановления всех вооружений с пониженной готовностью может быть до 100 и более дней.

Например, на первом этапе можно было бы «деактивировать» СЯС двух стран так, чтобы в состоянии боеготовности осталось не более 700 боезарядов. Первоначально это фактически лишило бы США средств ОВУ и уменьшило бы число таких вооружений России, но в порядке компенсации у США сохранилось бы больше боеготовых сил в море. Последние, правда, не подходят для «пуска по предупреждению», но для обеспечения живучести они в этом и не нуждаются.

При уровнях ядерных вооружений по Договору СНВ-1 и даже по Московскому Договору СНП «деактивация» путем снятия головных частей с носителей представляла определенные трудности из-за ограниченных возможностей хранилищ боезарядов на базах МБР. При уровнях боезарядов по новому Договору такой способ деактивации может оказаться вполне приемлемым и более простым для контроля.

На следующем этапе можно было бы снизить уровень боеготовых сил до 500 боезарядов, а затем до 300–200 ед. Поскольку такие меры неприменимы к подводным лодкам в море и мобильным МБР на маршрутах патрулирования, целесообразно было бы снизить их долю, находящуюся вне пунктов базирования (уменьшить так называемый коэффициент оперативной напряженности).

Это фактически устранило бы контрсиловую угрозу для российских МБР и сделало бы бессмысленным планирование разоружающих ударов. Оставшиеся боеготовыми силы двух государств обеспечивали бы исключительно потенциал «глубокого» ответного удара ограниченными, но достаточными средствами — в максимальном соответствии с принципами стратегической стабильности.

Главный принцип, который должен соблюдаться в процессе контролируемого взаимного понижения готовности, СЯС состоит в том, что контрсиловой потенциал сторон должен снижаться опережающим образом по отношению к уменьшению готовности стратегических сил к применению (включая ответный удар). Этим объясняется важность повышенной выживаемости сил, остающихся в боеготовом состоянии (мобильные МБР, подводные лодки на боевом дежурстве в море).

Это также необходимо, чтобы в кризисной ситуации, если начнется гонка по восстановлению боеготовности сил сторон, не возникло стимула к упреждающему удару.

В США и еще в большей степени в России можно предвидеть сильную оппозицию предложенным мерам. Для их реализации требуются существенное улучшение политического климата отношений двух держав. Это возможно не на пути деклараций, а через практические дела — договоры по разоружению и сотрудничество в вопросах безопасности.

7. ПОДКЛЮЧЕНИЕ ТРЕТЬИХ СТРАН К ОГРАНИЧЕНИЮ СНВ

Метод контролируемого снижения готовности может облегчить включение третьих ядерных держав в процесс ограничения вооружений. Присоединение Великобритании, Франции и КНР к российско-американским переговорам в ближайшей перспективе практически невозможно. Договоры строятся на принципах общего равенства сторон. Россия и США вряд ли согласятся на равные потолки СЯС с тремя указанными государствами, а те, в свою очередь, не пожелают юридически зафиксировать неравенство уровней ядерных сил.

Если же договориться о равных потолках на боеготовые ядерные средства (скажем, на уровне 200–300 боезарядов), то у РФ и

США сохранится большое превосходство над остальными тремя странами за счет «деактивированных» ракет и самолетов. В то же время у «малой тройки» будет равенство с двумя большими державами по боеготовым вооружениям. При этом у трех названных государств останется формальное право наращивать СЯС за счет «деактивированных» средств. Однако они вряд ли станут это делать ввиду полной бессмысленности развертывания вооружений в заведомо технически небоеготовом состоянии и под контролем других стран.

Впрочем, не ожидая реализации рассмотренных выше мер, уже в настоящее время вполне можно предложить Великобритании, Франции и, возможно, Китаю принять на себя часть мер транспарентности, которые действовали между Россией и США в рамках Договора СНВ-1 и будут продолжать действовать в новом Договоре. Эти меры могут быть приняты в одностороннем порядке каждым из этих государств, или же в соответствии с многосторонним соглашением. К ним относятся, например, следующие уведомления:

- о составе, количестве и типах ядерных вооружений;
- о планируемых изменениях в составах и количестве развернутых средств ядерного оружия;
- о местах расположения объектов по производству ядерных вооружений;
 - о начале и завершении производства ядерных вооружений;
 - о постановке и снятии с вооружения ядерных средств;
 - о переводе ядерных носителей в неядерные и обратно;
- о начале и завершении летных испытаний новых типов ядерного оружия;
 - о ликвидации объектов ядерных вооружений;
 - об авариях на объектах ядерных вооружений;
- о выводе объектов ядерных вооружений на ремонт и переоборудование.

Возможны также периодические приглашения наблюдателей на объекты ядерных вооружений для подтверждения данных уведомлений. Эти меры никак не повлияли бы на потенциалы ядерного сдерживания трех государств, но оказали бы позитивное влияние на стратегическую стабильность и укрепление режима ядерного нераспространения.

8. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Как известно, в настоящее время в мире имеется девять государств, обладающих ядерным оружием. Среди них — пять (Россия, США, Китай, Франция и Великобритания), статус которых признан согласно ДНЯО, и четыре — (Израиль, Индия, Пакистан и КНДР) остаются непризнанными ядерными государствами в соответствии с этим договором.

Непризнанные ядерные державы, являются, по существу, региональными и развивают свои ядерные силы для противодействия, преимущественно, региональным угрозам. В ряде случаев, это позволяет им проводить политику самоограничения. Израиль, например, отказывается от создания баллистических ракет большой дальности, несмотря на имеющиеся у него технологии. Индия и Пакистан пока не подошли к созданию межконтинентальных баллистических ракет, но и не отказываются от таких планов. Лишь КНДР пытается создать ракеты, способные достигнуть территории США.

Со своей стороны Россия не имеет союзнических обязательств или явных ядерных противников в Южной Азии, на Ближнем Востоке и Корейском полуострове. Это позволяет ей избегать традиционных отношений ядерного сдерживания с государствами этих регионов. Возможные риски здесь носят либо потенциальный, либо нетрадиционных характер. Корейский полуостров для России – соседний регион, имеющий с ней общую границу. У нее имеются большие интересы на Ближнем Востоке, оттуда также исходят опасности для внутренней безопасности РФ и ее союзников по СНГ. Поэтому в перспективе рост числа региональных ядерных держав может существенно ухудшить общий «стратегический фон» для безопасности и интересов России в этих регионах.

Тенденции ядерного распространения после окончания холодной войны более серьезно затронули интересы США и Китая, чем России. Индия и КНДР никогда не рассматривали РФ в качестве угрозы, однако такой угрозой для Индии исторически представляется Китай. Северная Корея технически остается в состоянии войны с Вашингтоном из-за отсутствия мирного договора после окончания Корейской войны 50-х годов. Что касается нетрадиционных угроз, связанных с ядерным распространением, то здесь существуют три важных обстоятельства. Во-первых, учитывая огромную территорию России, и ее близость к регионам распространения, она может пострадать от последствий ядерного взрыва вблизи от своих границ,

неудачного ракетного пуска или его перехвата над российской территорией. Во-вторых, запуск ракетно-ядерных сил третьих стран (особенно с моря и на носителях типа крылатых ракет) может быть воспринят как удар США, что спровоцирует ответно-встречный удар по Соединенным Штатам. Наконец, самое главное, распространение ядерного оружия среди государств повышает риск его попадания в руки негосударственных субъектов, в том числе террористических группировок.

Контроль за безопасностью ядерных арсеналов в Пакистане и КНДР вызывает особенно большую тревогу. В Пакистане возможен приход к власти радикальных исламистских группировок, поддерживающих контакты с движением Талибан. Подобный режим вполне мог бы намеренно передать ядерные боеприпасы в руки группировок террористического толка, включая «Аль-Каиду». Не исключена вероятность утраты контроля в результате смены режима в Исламабаде и Пхеньяне. Утрата жесткого централизованного контроля в этих странах могла бы привести к резкому ослаблению охраны ядерных объектов, хищениям ядерных материалов, технологий и боеприпасов, либо их продаже работниками или охранниками соответствующих предприятий и складов. В случае с КНДР не исключены также попытки тайного вывоза ядерных взрывных устройств за пределы этой страны. Возможным местом для такого укрытия может стать Мьянма, поддерживающая с Пхеньяном тесные отношения.

Дальнейшее распространение ЯО станет большим политикопсихологическим препятствием для глубокого ядерного разоружения ведущих держав, хотя в стратегическом отношении между этими двумя процессами нет прямой связи, во всяком случае при сокращении СНВ до уровня примерно в 1000 боезарядов. Однако косвенно распространение будет влиять на стратегическую стабильность и перспективы разоружение, создавая сильные стимулы для развития систем ПРО, поддержания ТЯО, широкого развертывания высокоточных вооружений в обычном оснащении, применения силы в целях «контрраспространения».

Все названные ответные меры могут вызвать обострение отношений великих держав, если будут осуществляться в одностороннем (или блоковом) порядке и вне санкций СБ ООН.

Со своей стороны глубокое ядерное разоружение великих держав, для которого требуется укрепление стратегической стабильности в ее обновленном понимании, есть необходимое условие укрепления ДНЯО и режимов нераспространения, а в дальнейшем и для создания надежного режима контроля над распространением ракет и ракетных технологий.

9. РЕЖИМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ РАКЕТ И РАКЕТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Существует своеобразный синергизм двух военнотехнических процессов: ядерное распространение порождает спрос на ракеты в качестве самых эффективных средств доставки ЯО, а ракетное распространение создает материальную основу придания даже небольшому ядерному потенциалу регионального и, более того, глобального масштаба досягаемости.

Вместе с тем распространение ракет представляет усиливающуюся угрозу не только потому, что они могут стать носителями ядерного и другого ОМУ. Новые технологии (прежде всего средства космической навигации), которые в обозримой перспективе вполне могут стать доступными многим странам, позволяют существенно повышать точность ракет, создавая тем самым возможность нанесения эффективных ударов по критически опасным объектам, включая атомные электростанции. Даже помимо АЭС, при высокой концентрации опасных производств в современных городах, ущерб от взрыва обычной боеголовки может быть многократно усилен и сопоставим с применением ОМУ.

Ракетно-ядерное распространение затрудняет продвижение великих держав к ядерному разоружению и даже подталкивает их к выходу из уже достигнутых договоров. Так, США вышли из Договора по ПРО, а Россия рассматривала вопрос о денонсации Договора по РСМД после неудачи совместной с США попытки придать ему многосторонний характер. Такая политика вступает в противоречие с обязательствами ядерных держав по ст. 6 ДНЯО и стимулирует противодействие неядерных стран мерам ужесточения режима нераспространения.

Распространение ракет порождает стимулы к развитию систем ПРО у США, а в перспективе и у других держав, что при сохранении между ними отношений ядерного сдерживания дестабилизирует стратегический баланс и подрывает переговоры по сокращению ядерных вооружений.

Похожий эффект на стратегическую стабильность производит совершенствование ВТО, в качестве одного из главных средств поражения ракет и ракетной инфраструктуры третьих стран.

Расширение использования космических аппаратов в качестве вспомогательных систем для применения ядерных и обычных вооружений (а в перспективе и как платформ для перехватчиков ПРО)

подстегивает разработку противоспутниковых вооружений, которые уже продемонстрировали США, СССР/Россия и КНР и которые усугубляют проблемы стратегической нестабильности.

Сохранение ТЯО в России тоже отчасти стимулируется ракетно-ядерным распространением в мире, но создает немалые проблемы для военно-политических отношений между Россией и НАТО, а в дальнейшем между США и КНР, а также между Россией и Китаем.

Международные кооперационные связи в ракетной области. На протяжении длительного времени между целым рядом стран были образованы устойчивые кооперативные связи в ракетостроении. Технологически более развитые выполняли НИОКР по контрактам со стороны государств, располагающих финансовыми ресурсами, но не имеющих собственной научно-производственной базы. Для производства ракетных систем в стране, ведущей разработку, начиналось, как правило, строительство и оснащение ракетостроительных предприятий, а в других государствах, участвующих в проекте, готовились линии для окончательной сборки. Испытания ракетного вооружения осуществляются в любой из стран, обладающих возможностями для их проведения.

Таким образом, по мере формирования собственных ракетостроительных потенциалов во многих странах происходило относительное снижение роли импортируемых ракетных систем и ракетных технологий, хотя по многим новейшим технологическим составляющим роль импорта остается достаточно важной.

Предметом особой озабоченности являются ракетные программы Ирана и Северной Кореи. В феврале 2009 г. Иран вывел на орбиту, с помощью жидкостной ракеты-носителя «Сафир-2», свой первый национальный спутник «Омид». Значение запуска спутника состояло в первую очередь в том, чтобы продемонстрировать миру достигнутый уровень технологического развития, позволяющего создавать двухступенчатые (а в будущем и трехступенчатые) баллистические ракеты и искусственные спутники. В мае 2009 г. Иран провел испытания ракеты «Саджил-2», которая имеет значительную дальность (более 2000 км), что было представлено как очередное достижение. Однако за пять лет до этого, в октябре 2004 г., иранские власти заявляли, что Ирану удалось увеличить дальность ракет типа «Шехаб-3» до 2000—3000 км, а также создать двухступенчатую ракету «Шехаб-4». Кроме того, утверждалось, что в стадии разработки находятся еще два варианта ракеты «Шехаб» с дальностью свыше

4000 км (ракеты «Шехаб-5» и «Шехаб-6») ⁹. Хотя эти последние заявления не подтверждены испытаниями, они свидетельствуют о тенденциях и намерениях.

В создании Северной Кореей ракеты «Нодон-I» приняли участие Иран и Ливия, которые через посредников закупали в странах Запада необходимые материалы и технические средства. Ее максимальная дальность составляет 1300—1500 км, а полезная нагрузка 700—1000 кг. Дальнейшим продолжением ракетной программы КНДР является БРСД «Нодон-2», которая имеет повышенную дальность — более 2000 км. В настоящее время на вооружении имеется около 1000 баллистических ракет. В их числе порядка 670—690 ракет Scud различных типов и около 320 ракет типа «Нодон» средней дальности ¹⁰. В различных стадиях разработки и испытаний находятся ракеты «Тэпходон-1», которая является трехступенчатым вариантом ракеты «Нодон-2» и «Тэпходон-2» с дальностью полета 6—8 тыс. км и полезной нагрузкой до 1000 кг.

Режим контроля над ракетами и ракетными технологиями был создан более двух десятилетий назад по инициативе и при участии стран «Большой семерки» – Великобритании, Германии, Италии, Канады, США, Франции и Японии – с целью снижения угрозы ракетного распространения. К настоящему времени участниками режима являются 34 страны, включая Россию. Вызывает, однако, серьезную тревогу то, что членами РКРТ до сих пор не стали страны, в отношении которых существуют серьезные озабоченности, с точки зрения их политических и военных устремлений.

Режим, как известно, не юридически обязывающий документ, он представляет собой добровольное принятие положений РКРТ государствами, разделяющими принципы ракетного нераспространения. Главной целью, провозглашенной в Руководящих принципах, является "ограничение риска распространения оружия массового уничтожения... путем контроля за поставками». Они нацелены также «на ограничение возможностей попадания в руки отдельных террористов и их групп подлежащих контролю средств и технологий» 11.

⁹Cm.: Iran Status Report. Centre for Strategic and International Studies. 11 August 2009 (http://csis.org/files/publication/090812 iranbrief.pdf).

¹⁰ См.: Оружие России / Каталог вооружения, военной и специальной техники (http://www.arms-expo.ru/site.xp/055057052124057051050053.html).

¹¹Guidelines for Sensitive Missile-Relevant Transfers (www.vertic.org/assets/nim_docs/MTCR%20Documents/ Guidelines/MTCR%20Guidelines%20(en).pdf).

Конкретная практика реализации ограничений РКРТ достаточно часто вызывает чувствительные конфликтные ситуации, связанные с характером или направленностью поставок. В целом режим РКРТ строится на добровольном выполнении государствами принятых пониманий в отношении того, что подлежит экспорту, а что нет. При этом очевидно, что такие понятия, как оценки цели ракетной и космической программ страны-получателя одним из членов режима могут не разделяться другими его участниками. Не все страны полностью и вовремя делятся информацией о принимаемых в национальных рамках решений относительно ограничений по национальным спискам.

За время своего существования режиму, к сожалению, не удалось предотвратить доступ к ракетному оружию заметного числа стран, в первую очередь тех, политика которых вызывала и продолжает вызывать серьезную озабоченность мирового сообщества — Ирана, Ирака и Сирии. Кроме того, за более чем 20-летнюю истории к РКРТ присоединилась лишь 1/6 часть государств мира. Так, в огромном азиатском регионе, где ракетные угрозы велики, в числе членов режима только три страны — Япония, Корея и Турция. При этом следует помнить, что, помимо разного юридического статуса, в отличие от ДНЯО, система РКРТ не запрещает обладание определенными технологиями и изделиями, а лишь ограничивает их экспорт.

На сегодняшний день семь государств имеют ракеты средней дальности (дальностью 1000—5500 км), в том числе пять ядерных государства (КНР, Индия, Пакистан, Израиль, КНДР), а также Иран и Саудовская Аравия. Около 30 стран обладают ракетами оперативнотактического класса (дальностью до 1000 км), среди них: Египет, Сирия, Ливия, Йемен, Турция, Южная Корея.

Неудовлетворительность ситуации стала одной из причин того, что члены РКРТ выступили с инициативой, которая была сформулирована в виде документа, получившего название Международного кодекса поведения по предотвращению распространения баллистических ракет. Этот документ был принят в ноябре 2002 г. в Гааге, и под ним поставили свои подписи представители 93 стран. В настоящее время к нему присоединились более 120 государств.

В отличие от РКРТ, Кодекс, принятие которого расценивалось как шаг вперед на пути развития основополагающих принципов РКРТ, — это документ преимущественно политического характера. Важным положением Кодекса является призыв сокращать национальные запасы ракет в интересах глобального и регионального мира и безопасности, что представляет собой более радикальный шаг, по сравнению с рекомендациями об ограничении ракетных потенциалов

и экспорта ¹². Предусмотрен обмен предварительными уведомлениями о запусках баллистических ракет и космических ракет-носителей, а также о проведении их испытательных полетов.

Тем не менее предложение России придать МКП юридически обязывающий характер на основании того, что Кодекс в силу ограниченности состава участников и недостаточной правовой базы пока не может служить основой для решения проблемы ракетного распространения, не получило поддержки. Не были приняты и американские предложения в отношении РКРТ о придании ему ряда наднациональных функций, против чего возражала Россия.

Перспективы повышение эффективности режима ракетного нераспространения. Существующая на сегодняшний день система ограничений распространения ракет и ракетных технологий не позволяет эффективно противодействовать созданию потенциальных носителей ядерного и другого оружия массового уничтожения, прежде всего в государствах с непредсказуемыми режимами, как на основе их зарубежных сделок, так и собственных возможностей.

Между тем попытки создать дополнительные, помимо РКРТ, преграды на этом пути предпринимались более 10 лет тому назад, когда в 1999 г. президентом России была выдвинута идея создания Глобальной системы контроля. Концепция этой системы включала в себя ряд положений по транспарентности, в том числе добровольное обязательство представлять информацию о готовящихся и произведенных пусках баллистических ракет и космических ракетносителей. В качестве стимула для государств, ограничивающих или отказывающихся от ракетных средств доставки оружия, предлагалось оказывать содействие развитию национальных космических программ. Важным элементом было обещание предоставлять гарантии безопасности государствам, отказавшимся от обладания ракетными средствами доставки.

На пути упрочения РКРТ есть ряд серьезных трудностей, которые еще предстоит преодолеть. Режим включает, помимо баллистических ракет, обширную номенклатуру крылатых ракет любого вида базирования и беспилотных летательных аппаратов (БЛА). Что касается, например, БЛА, то, благодаря новейшим технологиям в сфере материалов, двигателей, систем управления и наведения, они имеют настолько разнообразный типаж, массогабаритные характеристики (вплоть до миниатюрных), что про-

_

 $^{^{12}}$ См.: Международный кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет. A/57/724 (http://www.un.org/russian/document/convents/hague.pdf).

блемы создания приемлемой системы контроля их ограничений, включая контроль экспорта, представляются на сегодняшний день почти неразрешимыми.

В этих условиях можно рассматривать различные направления повышения действенности режима ракетного нераспространения: от повышения статуса отдельно РКРТ и МКП, до разработки проекта договора, объединяющего два этих документа. Эффективность нового договора могла бы быть повышена за счет включения в него ограничений на производство ракетных систем и мер обеспечения их физической сохранности для предотвращения их попадания в распоряжение террористов (особенно это относится к крылатым ракетам и БЛА). Приложением к договору может стать регулярно обновляемый согласованный список ограничиваемых ракетных систем и их параметров. Это приложение может представлять собой принципиально видоизмененное существующее ныне техническое приложение к Руководящим принципам РКРТ, в которое будут включены не только ограничения на конкретные параметры ракетных систем и технологий, но и ограничения по номенклатуре (моделям) существующих и находящихся в разработке ограничиваемых ракетных средств.

В договор можно было бы включить многие из существующих концепций, не находящих пока применения. Например, об абсолютно обязательном характере уведомления о любых ракетных и космических запусках, а также о наличных арсеналах баллистических и крылатых ракет с определенными характеристиками. Кроме того, с помощью договора можно было бы реализовать идею об охвате ограничениями не только поставщиков, но и получателей ракетной техники¹³.

Одновременно с этим целесообразно заблаговременно и с видом на долгосрочную перспективу приступить к подготовке проекта более обширного договора, интегрирующего в себе положения РКРТ, МКП и ГСК, как основы нового глобального и юридически обязывающего режима ракетного нераспространения, закрепленного в международном соглашении о нераспространении ракет и ракетных технологий по типу ДНЯО. Приложением к договору может стать регулярно обновляемый согласованный список ограничиваемых ракетных систем и их характеристик. Он должен содержать все технические определения предмета соглашений, меры контроля и доверия, механизмы проверки соблюдения, выявления нарушений,

 $^{^{13}}$ См.: Дворкин В. Ракетное распространение, мониторинг пусков и противоракетная оборона (http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/9170Dvorkin-report.doc).

применения санкций за нарушения и способы улаживания спорных вопросов.

Возможность совместных действий России и США в этом процессе имеет ключевое значение. Невысокая эффективность РКРТ в значительной степени обусловлена периодически возникающими политическими разногласиями и даже напряженностью в двусторонних отношениях. Только выход на устойчивое и тесное двустороннее сотрудничество, а лучше — партнерство, способны коренным образом исправить ситуацию с низкой эффективностью РКРТ и некоторых других многосторонних режимов обеспечения и укрепления безопасности.

выводы

1. Представления о стратегической стабильности после окончания холодной войны в радикально изменившихся военно-политических условиях, в эпоху глобализации и взаимозависимости государств значительно расширились по сравнению с традиционными взглядами в свете новых угроз и дестабилизирующих факторов. К ним относятся распространение ОМУ, прежде всего ядерного, угрозы ядерного терроризма, распространение ракетных технологий и ракет повышенной дальности, региональные вооруженные конфликты с непрогнозируемой эскалацией за пределы регионов.

Вместе с тем с уходом в прошлое идеологической вражды, конфронтации и глобального геополитического соперничества, открываются новые возможности для соглашений и сотрудничества ведущих держав.

2. Даже в изменившихся условиях стратегическая стабильность не должна трактоваться безгранично широко, если она призвана оставаться более или менее конкретным и понятным базисом общих интересов и действий держав в их военно-политических отношениях.

Очевидно, что таким главным взаимным интересом является, как и раньше, предотвращение ядерных конфликтов любого уровня и гонки ядерных вооружений. Стратегическая стабильность призвана обеспечить поддержание стратегических взаимоотношений сторон, максимально соответствующих этому интересу. Причем обеспечить это необходимо преимущественно за счет договоров о

поэтапном ядерном разоружении и через развитие сотрудничества в сфере безопасности.

3. По сравнению с периодом холодной войны содержание стратегической стабильности сейчас и на перспективу требует значительной корректировки.

Во-первых, гарантия взаимной способности ответного удара, оставаясь в центре стабильности, может впредь предполагать существенно пониженные критерии нанесения ущерба и менее жесткие требования к условиям выполнения этой задачи. Такая обоюдная способность не требует равенства во всех формах традиционно планируемых ядерных ударов. Достаточно будет примерного баланса по боезарядам остающихся боеготовых средств в качестве «страхового полиса» безопасности. Концепция примерного равенства потенциалов сторон по способности нанесения контрсилового, ответно-встречного и ответного удара может быть упразднена по мере отказа сторон от таких оперативных концепций и средств их осуществления.

Во-вторых, двусторонний баланс стратегических сил по мере снижения СЯС России и США до уровня порядка 1000 боезарядов будет обретать многосторонний характер и потребует подключения в той или иной форме третьих ядерных держав, а затем и государств, стоящих вне ДНЯО.

В-третьих, важнейшим фактором, влияющим на стабильность, становятся темпы распространения ОМУ и его носителей. Соответственно, «подпорками» конструкции стабильности должны быть меры укрепления режимов ДНЯО и контроля над распространением ракет и ракетных технологий.

В-четвертых, распространение ядерного оружия и его носителей ставит серьезнейшую и крайне трудную задачу интеграции в контекст стратегической стабильности совместных систем СПРН и ПРО (сначала ПРО ТВД, а затем стратегической ПРО). Не мене сложная задача состоит в подключении к этим системам союзников и партнеров великих держав и ответственных нейтральных государств.

В-пятых, необходимо добиться совместимости стратегической стабильности и развития ведущими государствами неядерных ВТО большой дальности для использования в локальных конфликтах.

В-шестых, нужно предотвратить создание космических вооружений, которое в корне подорвет стабильность.

4. Приходится признать, что в США, России и других странах есть влиятельная оппозиция новым договорам по разоружению и военному сотрудничеству государств. В ряде случаев это обусловлено и спецификой внутриполитической ситуации.

В России такая оппозиция особенно сильна (хотя и не оформлена в партийном плане), поскольку ядерное оружие расценивается как главная гарантия национальной безопасности и незаменимый атрибут статуса великой державы, имеющей исключительное положение в условиях расширяющейся полицентричности международных отношений.

5. Для того чтобы отношение к ядерному разоружению в России изменилось к лучшему, США необходимо убедительно продемонстрировать не на декларативном уровне, а реальными шагами в своей военной и ядерной политике, что они рассматривают ядерное разоружение как средство укрепления международной безопасности, а не способ увеличения своего превосходства в новейших военных технологиях и системах (ПРО, ВТО, космос, СОН и пр.).

В частности, новый договор по СНВ из-за специфических правил засчета будет предполагать минимальное реальное сокращение стратегических ракет, подводных лодок и бомбардировщиков США. В основном сокращаемые боезаряды будут перенесены в хранилища, а другая часть не будет засчитываться как «оперативно развернутые». Поэтому последующий договор должен предусматривать реальную ликвидацию стратегических носителей и желательно (возможно, в рамках отдельных соглашений) боезарядов.

Система ПРО, развертываемая в одностороннем порядке (даже если она не будет подрывать российский потенциал сдерживания), приведет к заметному росту недоверия и противоречий между Россией и США, препятствуя дальнейшему разоружению и консолидации усилий в противодействии новым угрозам. США и НАТО следует полностью отказаться от односторонних действий в этой области и подключать Россию ко всем решениям по оценке угроз и развитию систем ПРО. Целесообразно также обеспечить масштаб транспарентности развернутых систем ПРО и предсказуемости программ их развития, сопоставимый с имеющимся в отношении СНВ сторон в рамках нового договора.

Такие меры помогут снять подозрения России в отношении намерений США, они будут способствовать снятию других препятствий на пути совместной разработки, развертывания и использования систем ПРО США, РФ и их союзниками.

Дестабилизирующее влияние высокоточного оружия с неядерным оснащением часто преувеличивается. Однако эта угроза стала приоритетной для России, что нашло отражение и в ее новой Военной доктрине 2010 г.

Соединенным Штатам пора перестать игнорировать это обстоятельство и обратить на него самое серьезное внимание. Посколь-

ку они выступают инициатором и лидером указанного направления военно-технического развития, именно на них лежит ответственность за начало предметных консультаций по данному вопросу, за предоставление доказательств, что системы ВТО не направлены против России, а также за предложение мер ограничения вооружений, транспарентности и доверия. Иначе будет нереально добиться сотрудничества России в ядерном разоружении и других вопросах международной безопасности.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что после окончания холодной войны для устранения новых противоречий в сфере безопасности единство политических позиций ведущих держав по ключевым проблемам, прежде всего России и США, и их практическое сотрудничество должны иметь абсолютный приоритет в борьбе с новыми угрозами безопасности начала XXI века. Никакие односторонние программы вооружений не способны заменить такое единство и сотрудничество, а в ряде случаев могут заметно ухудшить ситуацию. И наоборот, единство позиций и взаимодействие великих держав на базе учета интересов друг друга будут иметь более высокий эффект, чем новые военно-технические системы и программы.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЭС атомная электростанция

БЛА беспилотный летательный аппарат БРПЛ баллистическая ракета подводных лодок

БРСД баллистическая ракета средней дальности

BMC военно-морские силы BTO высокоточное оружие

ГСК Глобальная система контроля

ГЧ головная часть

ДВЗЯИ Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных

испытаний

ДЗПРМ Договор о запрещении производства расщепляю-

щихся материалов в военных целях

ДНЯО Договор о нераспространении ядерного оружия ДОВСЕ Договор об обычных вооруженных силах в Европе

РСМД ракеты средней и меньшей дальности

КП командный пункт

КРМБ крылатая ракета морского базирования МБР межконтинентальная баллистическая ракета

МКП Международный кодекс поведения по предотвраще-

нию распространения баллистических ракет

НАТО Организация Североатлантического договора

НИОКР научно-исследовательские и опытно-

конструкторские работы

НТСК национальные технические средства контроля

ОВД Организация Варшавского договора

ОВУ ответно-встречный удар

ОМУ оружие массового уничтожения ОТР оперативно-тактическая ракета ПВО противовоздушная оборона

ПЛАРБ атомная подводная лодка с баллистическими ракетами

ПЛО противолодочная оборона ПРО противоракетная оборона

ПРО ТВД противоракетная оборона театра военных действий РВСН ракетные войска стратегического назначения РГЧ ИН разделяющаяся головная часть индивидуального

наведения

РКРТ Режим контроля над ракетами и ракетными техно-

логиями

РПК СН ракетный подводный крейсер стратегического назначения

СБ ООН Совет Безопасности Организации Объединенных Наций

СНВ стратегические наступательные вооружения

СНВ-1 Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1991 г.

СНВ-2 Договор между РФ и США о сокращении и ограни-

СНВ-2 Договор между РФ и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1993 г.

1993 1.

СНП стратегические наступательные вооружения

СОН силы общего назначения

СПРН система предупреждения о ракетном нападении

СЯС стратегические ядерные силы ТБ тяжелый бомбардировщик ТЯО тактическое ядерное оружие

ЦОД Центр обмена данными о ракетных пусках

ШПУ шахтная пусковая установка

ЯО ядерное оружие

GBI ракета-перехватчик наземного базирования

NTI "Nuclear Threat Initiative" («Инициатива по предот-

вращению ядерной угрозы»)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список участников заседания, состоявшегося 18 марта 2010 г. в ИМЭМО РАН

- А.А.Дынкин директор ИМЭМО РАН, академик РАН
- А.Г.Арбатов руководитель Центра международной безопасности (ЦМБ) ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН
- В.Г.Барановский заместитель директора ИМЭМО РАН, членкорреспондент РАН
- В.С.Белоус ведущий научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН, генерал-майор (в отставке)
- В.З.Дворкин главный научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН, генерал-майор (в отставке)
- В.И.Есин первый вице-президент Академии безопасности, обороны и правопорядка, генерал-полковник (в отставке)
- Н.И.Калинина главный научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН
- А.Н.Калядин главный научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН
- В.С.Колтунов заместитель директора Института стратегической стабильности, генерал-майор (в отставке)
- В.И.Литовкин ответственный редактор газеты «Независимое военное обозрение»
- В.И.Мизин ведущий научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН
- Е.В.Мясников ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ
- С.К.Ознобищев заведующий сектором ЦМБ ИМЭМО РАН
- А.А.Пикаев заведующий отделом ЦМБ ИМЭМО РАН
- А.В.Радчук советник начальника Генерального штаба ВС РФ
- Р.М.Тимербаев посол, бывший постоянный представитель СССР и России при международных организациях в Вене
- П.В.Топычканов старший научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН
- А.Д.Цыганок руководитель Центра военного прогнозирования
- А.А.Шаравин директор Института политического и военного анализа